

Дульжан Садыкова

Поверь в свою Звезду!

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ГульЖиАн Садыкова

Поверь в свою Звезду!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50287688

SelfPub; 2024

Аннотация

Мелодрама, основанная на реальных историях, затрагивающая события начала прошлого столетия и по настоящее время. Захватывающее по своему содержанию произведение рассказывает о пережитых трудностях, исторических ценностях, неразберихе, романтизме, приключениях и стойкости главного героя на территории бывшего СССР и РФ. Главные события разворачиваются в начале 60-х годов прошлого столетия. Повествуется о пережитых страданиях, тонкостях человеческих отношений, предательстве родных, потере близких в рамках интригующего и авантюрного сюжета. С самых первых страниц произведение читается на одном дыхании, читателю интересно проживать те годы вместе с легендарными персонажами. Незаурядная личность в лице главного героя преодолевает на своем пути все тяготы жизни, свалившиеся в раз на плечи обычной женщины, пробиваясь вперед с высоко поднятой головой в поиске истины, решительна перед выбором тернистого пути.

Содержит нецензурную брань.

ГульЖиАн Садыкова

Поверь в свою Звезду!

Поверь в свою Звезду!

В основе сюжета авторская версия событий.

Книга первая

ББК 84 (2p)6

C14

16+

ISBN 978-5-86889-853-2

«Поверь в свою Звезду!» – это захватывающая по своему содержанию повесть, написанная в необычном автобиографическом стиле косвенного диалога автора с читателем, где тесно переплетаются трагические события

с комическими историями и приключениями.

Здесь отображен путь и становление человека, как личности, через тяжелые годы испытаний. Выживание, несмотря ни на какие преграды, веря только в свои принципы, идти твердою дорогой вперед!

Содержание основано на реальных событиях.

Посвящается моему сыну

«Мама, а ведь у тебя такая интересная
и яркая жизнь, напиши об этом книгу!»

Руслан

Глава первая

ПОМНИТЬ, ВЕРИТЬ, ПОБЕЖДАТЬ!

...А пуще всяких благ свобода мне мила.

Уснувший дух людей свобода пробуждает,

Она в них мужество и твердость возрождает,

Она толкает их на славные дела.

Альфред де Мюссе. Поэма «Уста и чаша»

В мире много возможностей, выбери лучшее для себя,
пой, танцуй, веселись, смейся, радуйся, верь в успех!

1

...Весенним вечерком я засиделась у экрана телевизора в ожидании сына с работы. Вернувшись как всегда поздно, он завел разговор, так, между прочим:

– Сегодня болтали с ребятами, я рассказывал им о тебе...

– И что?

– Они восхищались тобой, сказали – у тебя классная мать! Да ей при жизни надо памятник ставить! Слушай, мам, а ведь у тебя такая интересная и яркая жизнь, а напиши об этом книгу...

– Хм... Думаешь, это кому-то будет интересно?

– Еще ка-а-а-к!

– Да не вопрос!

– Что, слабо?!

– Легко...

* * *

...Совсем маленькой я помню себя смутно. Как и все дети, очень любила сладости, которые, впрочем, перепали мне нечасто. Может, в шутку сказано – «трудное детство», но это не совсем так, в этом есть свои плюсы и минусы.

...Моя милая, добрая мамочка, но, увы, далеко не счастливая. Как сильно мы, твои детки, перед тобой виноваты. Как много хлопот, неприятностей, бед и обид досталось на твою долю и от самой жизни, и от непутевых деток. Как жаль, что ошибки осознаются очень поздно...

О себе мама рассказывала не так уж и много. Она была последним ребенком в их многодетной семье. В далекие 1920-е годы ей, как и многим другим, довелось познать и голод, и болезни; постепенно уходили один за другим из жизни ее братья, эпидемии и недостаток не щадили никого. Так умер и ее отец, в первый же год после рождения единственной дочери, который приходился дядей всем предыдущим детям ее матери.

После смерти первого мужа наша бабушка вышла замуж за брата покойного супруга. Отец мамы недолго радовался своему счастью – рождению ребенка, через год он умер, а из всех детей выжили только лишь наша матушка и ее старший брат, который и помогал в воспитании сестры, заменив ей отца, так как был старше ее почти на 30 лет.

Айтпай, как звали его, был человеком суровым и смелым. Мы в свое время называли его просто – ата, то есть дед. Но я

его немного недолюбливала, и было за что. В молодости он был грозой своего края, работал тогда в только что образованной милиции, громил банды, жестоко расправлялся с людоедством. В те тяжелые 1930-е годы много сгинуло людей от недоедания, но, тем не менее, мама свое детство всегда вспоминала с благодарностью. Ее брат, получавший продовольственный паек, каждый вечер приносил домой буханку ржаного хлеба и чашку какой-нибудь каши – вот так и выживали.

Из рассказов мамы...

Будучи малышкой, она любила дразнить, как и другие дети, пожилую старушку странного поведения, как окажется в будущем, мою прабабушку по линии отца. А дразнила она ее очень забавно: «Кийбат, Кийбат умбаган», что означало – Кийбат ненормальная. Просто она по ночам хлестала себя плеткой, и обладала даром предвидения, была по натуре очень боевой женщиной: садясь на коня, с нагайкой в руке гоняла и громила баев – зажиточных людей, которые в свою очередь побаивались ее смелых походов. В свое время Кийбат вышла замуж за человека, который доводился родственником моей маме.

Айтпая я помню человеком старым, в год моего рождения ему было уже далеко за семьдесят.

Наши дома, то есть наш и семьи брата моей мамы, стояли рядом, через дорогу, общались мы нечасто, но по праздникам родители, взяв меня с собой, ходили туда в гости.

Помню, там всегда было слишком жарко от натопленной печи и мне было крайне скучно. У деда Айтпая была странная привычка, которая в свою очередь передалась одной из его дочерей: он очень любил до боли кусать детей, получая от этого удовольствие и таким образом выражая свою любовь. Вопреки желанию, эта участь коснулась и меня.

На одной из вечеринок старец попросил мою маму подвести меня к нему. Будучи еще малышкой и чувствуя какую-то тревогу, я не хотела подходить к родственнику, но мамуля не могла перечить своему брату. После его сильного укуса в мою щеку я громко плакала, а мама стояла молча, не в состоянии что-либо сказать и сделать, обычай и воспитание не позволяли этого. Мне же было жутко обидно.

...Окончив школу-семилетку, мама какое-то время работала учителем русского языка в школе. Ну а вскоре по наставлению брата ей пришлось выйти замуж за представительного человека, имеющего положение в обществе, – по тем временам это было и необходимостью, и обязанностью. Она не любила рассказывать о первом муже и никогда не на-

зывала его по имени, хотя я знала, что он был человеком хорошим, очень любил и баловал ее. Совместных детей у них не было. Прожив какое-то время вместе с любимой, он покинул этот мир, болезнь сделала свое дело, не помогли даже и московские специалисты. Тот человек был намного старше своей любимой подруги, но она с большим уважением относилась к нему и была крайне благодарна за все. Он умер в послевоенные годы, мама тогда работала в райкоме партии, была настоящей коммунисткой и патриоткой, продолжая активную работу, как и в военные годы. Когда скончался ее первый муж, она смогла добиться встречи со Сталиным: по его указанию был выделен самолет для перевоза на родину и захоронения тела покойного.

В свои годы мама была человеком решительным, твердым в убеждениях.

Я не совсем точно знаю, где и когда она вновь повстречалась с моим отцом, в детстве они жили рядом и им не раз доводилось вместе играть. В то же время они были родственниками, что впоследствии всегда скрывали от нас. Отец моего отца, то есть дед Сапар, был двоюродным братом моей матери. Хотя она и доводилась нашему отцу тетушкой, но родилась на два года позже его. Вот такая сложная арифметика.

Думаю, поначалу между родителями была какая-то лю-

бовь: мне, как ребенку любопытному, доводилось украдкой читать их письма, мама долгие годы хранила у себя среди документов пожелтевшее письмо отца. В 1955-м году они сошлись, и отец увез ее из Казахстана в Барнаул, где проживали многочисленные родственники со стороны его матери.

Моя бабуля по отцу была татаркой, звали ее Магрифа, и я очень любила ее, хотя на протяжении всей жизни между ней и нашей мамой мира никогда не было. Каждая из них была близка и дорога моему сердцу, любя каждую, я страдала от их ссор.

В Барнауле мама уже носила своего первого ребенка. Отцу как специалисту на пару с его родным братом Николаем дали двухкомнатную квартиру в центре города. Но жить маме в тех условиях было очень сложно. Отец со своей матерью, братом и моей мамой приютили у себя еще и семейство сестры нашей бабушки Латифы, у которой в свою очередь был муж Кадыр и четверо детей: двоюродные брат отца Рашит и три сестры – Рашида, Рауза и Мюнира. В их семье никто не работал, поэтому всех содержал, по сути, мой отец, а маме приходилось готовить, убирать и стирать за всеми, поскольку девицы-родственницы были с ленцой.

Наш отец, прошедший всю войну, был человеком суровым, любил выпить и в свое время не страдал от недостатка

женского внимания, одним словом, любил погулять.

Мама же была несколько ревнива: часто упрекая, перечисляла поименно всех его гражданских жен. А получалось все как-то складно и забавно: «Фаима, Фатима, Ольга, Лиза, Лида...»

Вот так однажды она, будучи уже в положении, встрети-лась случайно лицом к лицу с его первым ребенком – сыном Геной, которому тогда было от силы 2–3 года. Несчастный малыш, рожденный женщиной легкого поведения, по сути, был никому не нужен. Маму, естественно, взяла досада, бросив все, она вернулась домой к своей матери в только что начинающийся строиться г. Серебрянск. Там устроилась рабо-тать в библиотеку, где ей выделили комнатку для проживания.

Хотя мир частенько не брал мою бабулю по отцу и маму, но что-то подтолкнуло тогда бабушку, может быть, все тот же дар предвидения, и она поехала вслед за моей матерью в Казахстан.

В то время уже родился мой старший брат Нуртай, шел май 1956 года. Ему исполнился только месяц, когда бабушка и мама вместе с ним пошли в фотоателье, что было доступно не многим, одним словом, не всем по карману.

... После обработки той самой фотографии, спустя годы, портреты моих милых бабули и мамочки как нечто святое заняли почетные места в нашей квартире...

У отца, конечно, дрогнуло в груди: получив снимок сына-младенца, он не задумываясь бросился строить новую жизнь, навсегда покинув Барнаул и оставив квартиру родственникам.

В Серебрянске появились первые бараки и дома, началась стройка грандиозной Бухтарминской ГЭС. Под строительство частного сектора выделялась земля. Отец с легкостью построил дом, память о котором навсегда осталась в моем сердце.

Через год родилась моя сестра, которую называли Шолпан.

В эти дни уже умирала наша другая бабушка, по линии мамы, она прожила очень долгую жизнь, соблюдая все обычаи и традиции, но, как и любая мать, всегда старалась помочь своей дочери и стояла на ее стороне в тяжелые минуты. Успев поцеловать только что родившуюся внучку, бабуля искренне пожелала ей счастья.

Брат мамы всегда был противником брака моих родите-

лей, ругал ее, выгонял из дома, когда они с отцом, будучи еще неженатыми, тайно встречались. Пытаясь запустить в дом оставшуюся на улице дочь, старой матери приходилось в потемках вставать и открывать дверь. Вот так однажды встав, она упала, что-то повредив себе внутри, и это сказало в последствии. Прожить бабушка могла и больше. Мне не довелось ее знать, но мама о ней отзывалась всегда с большой теплотой.

Отца своего я вспоминаю с болью в душе, жаль, что мы не понимали друг друга. Мне известно, что он приписал себе год или два, после окончания школы-семилетки, поступил в танковое училище, а к началу 1941 года был уже офицером, под его началом был танковый взвод.

Его отец Сапар воевал в пехоте, прошел всю войну и скончался от полученных ран в дни Победы.

Нашего отца звали Файзрахманом, но по жизни он был просто Пашкой. Пройдя войну, имел награды, воевал на Втором Белорусском фронте. Повидал много горя, зла и насилия, может, поэтому был человеком несколько замкнутым, озлобленным и в какой-то мере жестоким: частенько пил, поднимая руку на маму. Мои старшие братья

и сестра тогда как-то пассивно и равнодушно к этому от-

носились, но мне было очень жаль мать и я многое не понимала.

Помню, как-то отец закрылся с ней в комнате, мама сильно кричала, он ударил ее маленькой табуреткой, потом вышел из комнаты очень злой, а мамуля плакала и по руке ее стекала струйка крови. Спрятавшись от обиды где-то во дворе, она не отзывалась на мои крики. С тревогой выбежав следом, я долго звала маму, опасаясь потерять ее.

Сама я росла ребенком тихим и забитым. Большую часть времени проводила у своей бабушки и, несмотря на частые ссоры с мамой, все равно очень любила ее.

Всё, говорят, возвращается на круги своя – это я пойму после.

А пока я ребенок и во мне копится злоба, не дают покоя мысли. И как бы ни были наказаны жизнью отец и его мать, мне все равно искренне жаль их, каждого по-своему.

Уметь прощать ошибки дано не каждому, но главное – осознать и признать их.

Ошибки родителей... Может, тому виной древние традиции, жаль, что все это осознается потом, будет много горя,

слез, обид и печали...

2

Своего первого сына Нуртая родители, как и положено, баловали и лелеяли, все лучшее отдавая ему – так было заведено. С годами такой порядок вещей сформировал в нем эгоиста, подлого, злого и гадкого.

В пятилетнем возрасте, катаясь на санках, он вместе со своим сродным братом Бахытом, жившим через дорогу от нашего дома, попал под колеса машины. Получив сотрясение, дети испугали всех. Последствия трагедии оказались непредсказуемыми и проявились в будущем как нельзя остро.

А пока Нуртай рос беспечным и пассивным ребенком, копил в себе зло и агрессию.

Припоминаю, будучи подростком, как мама купила небольшую палочку вареной колбасы, по тем временам продукт редкий, роскошный и вкусный. В ту пору у меня была дикая мечта: «Вот вырасту, пойду работать и с первой же зарплаты куплю себе колбасу, съем сама и никому не дам».

Сейчас это кажется забавным, но от воспоминаний в душе очень больно. Тогда я так и не могла понять, для чего же был куплен тот злосчастный деликатес, который съесть никто не смел, кроме старшего брата! К тому же мама так ничего из колбасы не приготовила, даже и не помню о ее дальнейшей судьбе, скорее всего, она досталась, как и положено, любимцу.

Тот день навсегда врезался в мою память: где-то боль и обида, а где-то и стыд.

В доме у нас не было ни холодильника, ни какой другой более-менее нормальной обстановки. Мне было известно, что в кладовке на гвозде висит колбаса, которую очень хочется если не съесть, то хоть кусочек попробовать. Я долго и упорно выжидала время, чтоб пройти туда незаметно. В мыслях было лишь одно: «Ну хоть немножко откусить». Было очень стыдно, и я не решалась. Наконец, как-то неосознанно, все же схватила соблазнительную «палку» и было уже поздно отступить. Отломив второпях кусочек грамм на 70, я убежала за дом, на ходу жуя и давясь от страха и наслаждения.

А через некоторое время была обнаружена пропажа. Боже, сколько было шума и крика! Мама, со злостью бросив

продукт на пол, очень ругала нас, упрекая, что мы нехорошие и подлые. Я же тогда так и не созналась в содеянном. Все думали, что это дело рук среднего брата Амантая, так как ему по жизни ни подлости, ни эгоизма было не занимать, он в свою очередь, конечно же, думал на меня.

Однажды родители вместе со мной, тогда еще малышкой, пошли в гости к своим друзьям Морущенко. Возвратились домой поздно. Оставшиеся дома дети уже спали.

Нашу бабулю почему-то раздражали такие похождения, хотя жила она отдельно от нас, а отец мой по мере возможности всегда ей помогал. Во время нашего отсутствия бабушка зачем-то надоумила Нуртая навредить родителям, что тот и сделал, не задумываясь и с превеликим удовольствием.

В дальней комнате стоял недавно купленный у соседей старенький шифоньер, который я считала супервещью. Вот на его-то дверце братец и выразил гвоздем все свое недовольство. Кроме того, он выбросил в помойное ведро мамыны касешки (пиалушки), которые были памятью о ее покойной матери.

Я стояла и смотрела на это молча, но с большим сожалением и огорчением. Мама тоже была расстроена, но было тихо, никто не стал ругать и упрекать бабушку и Нуртая, а я

своими маленькими ручонками пыталась отмыть посуду, как могла и еще долго смотрела на дверные царапины, которые со временем отец более-менее замазал полировкой.

В доме продолжалась обыденная жизнь. Родители очень рано вставали, отец чистил двор, заносил в дом дрова и уголь, чистил сарай, кормил скотину. Мама топила печь, доила корову, готовила завтрак на скорую руку – в лучшем случае это была жареная картошка. Ну а мы наперебой с Амантаем пытались поскорее позавтракать, потому как с его зверским аппетитом и скоростью был риск полуголодной идти в школу с испорченным настроением. Ему было просто плевать на всех и на все, он жил своим умишком только для себя, злобный и гадкий. Нас с ним никогда не брал мир, в памяти лишь одни постоянные оскорбления в мой адрес.

Я для него была никто и ничто: при всех, и при родителях тоже, он запросто называл меня толстой, жирной, тушей безобразной, его нечеловеческой ненависти ко мне не было предела. Но его никто за это не одергивал, а жаль.

В свою очередь я тоже ненавидела братца, желая в душе ему всего самого плохого.

А однажды захотелось вообще избавиться от него раз и навсегда, но, не зная, как это сделать, подложила ему в по-

стель иглу. Походив и подумав, что мама будет страдать, изменила свой план, поймав себя на мысли, что все решится само собой.

Но в душе было очень досадно, оттого что отец не пресекал вовремя отвратительное поведение сыновей, не делал им замечания. Одним словом, воспитания-то никакого и не было. Хотя родителей тоже можно было понять, им было очень тяжело и просто не до нас.

3

Помнится, я еще дошкольница, как и обычно, иду в район площади к своей бабуле. Мои ноги сдавливают старенькие и уже совсем тесные сандалии. Каждый шаг причиняет боль, в голове единственная мысль – снять башмаки и идти босиком, хоть и будет стыдно. Возможно, вокруг подумают, что малолетка просто бродит босой, потому что тепло. Дойдя до дома бабули, огорчившись ее отсутствием и подумав, что она ушла торговать на базар, я зашла в общественный деревянный туалет, что стоял рядом, и с превеликим удовольствием скинула с ног ненавистную обувь.

Возвращалась домой бодрая и довольная, предоставив от-

дых сдавленным ножкам, на ходу сочиняя оправдания перед мамой. Хотя особо придумывать было нечего. Просто вернувшись босой, я сказала, что сандалии больно сдавили ноги, они мне давно малые. Мама вовсе не ругалась, сама об этом прекрасно понимая. Новую обувь я уже не выбирала, просто радовалась тому, что имела.

В начале лета 1966 года волей случая я попала в инфекционную больницу. Помню только вечер дома и мой неожиданный крик, боль в горле, температура, скорая. Мама рассказывала, что тогда я находилась в критическом состоянии и врачи упорно боролись за мою жизнь, не понимая причину болезни. Приезжали специалисты из Москвы. Мононуклеоз, как сообщили позже медики, оказался в то время явлением редким и не всегда излечимым. Родители переживали за мою жизнь, так как я часто находилась без сознания. Маме приходилось в течение долгого месяца разрываться между мной и семьей. Отец тогда говорил, что если выживет Галя, то он устроит большой той, то есть пир, и заколет барана. Так и вышло. После успешного моего выздоровления он действительно устроил угощение для близких.

Потеряв по своей вине четвертого ребенка, рожденного до меня, отец с мамой тяжело переживали очередное несчастье. В будущем мамуля непринужденно расскажет нам о маленькой сестренке Жибек, которая прожила всего четыре месяца.

ца. После ее смерти появилась я.

Пьющий в то время отец неизвестно по какой причине ударил беременную мать в живот. В результате девочка родилась калекой, она совершенно не держала крохотную головку. А в последние минуты жизни, задыхаясь, глядела умными глазами на родителей, как бы осуждая их за страдания. У мамы тогда отнялись ноги, а отец плакал и страдал, осознав свою вину. У вырытой могилки он пытался кидаться вниз, кричал, рыдал и каялся. Похоронив ребенка, они старались не говорить более на эту тему и тем более посвящать в это нас. Но терпению бывает предел. Вот так, случайно, не выдержав очередной ссоры, у мамы вырвались слова осуждения за боль и утрату. Тогда я спокойно относилась к сказанному и никого не обвиняла, лишь просто жалела маленькую несчастную малышку.

Мы росли, познавая мир, как-то сами по себе, каждый на свой вкус и понимание. Видели мало радости. Долгое время не было даже телевизора. Играть мне приходилось с тряпочными самодельными куклами, фантиками, импровизировать и мечтать.

Мне было лет пять, когда в нашей полупустой комнате подключили радио, заиграла какая-то музыка. Сколько же было радости! Помню, я кричала, плясала и дико смеялась.

Со временем появился черно-белый маленький телевизор с трансформатором, к нам по вечерам сбегались посмотреть кино или мультик родственники и соседские ребяташки, которые от души угощались домашним молоком.

Мама иногда рассказывала о моих смешных детских проделках. Как-то она привезла меня годовалую на старенькой коляске в обувной магазинчик и, купив там мне красные башмачки, решила положить их рядом со мной. Я же, увидев обновку, заворчала, сняв с себя старую обувь и выбросив ее на землю, возмущаясь и пыхтя, пыталась нацепить на себя новые ботинки. Мама говорила, что сценка была очень забавной, ну а я все же осталась в новой обуви.

Более смешной и трагикомичный эпизод из детства мне и самой помнится отлично, словно все было вчера.

Я тогда ходила в младшую группу детсада, в доме не было особого достатка. Одним морозным зимним утром мама, опаздывая на работу, поручила сестре со средним братом отвести меня в детсад. Носок у меня не было, поэтому наспех обмотав мои ноги портянками и одев сверху кирзовые сапоги, старшие повели меня в садик. На полпути я сильно расплакалась от щемящей боли, размотавшиеся портянки ноги не грели, от кирзы жутко отмерзли пальцы, идти не было сил.

Сестра, тут же усадив меня на бетонную плиту и стала вновь укутывать мои онемевшие ноги, запихивая их в сапоги. Тогда я еще не испытывала чувства стыда, не понимала недостатка, просто всегда хотелось, чтоб в кармане были сладкие карамельки или ириски с печеньем. Иной раз брала зависть, что у сверстниц есть сладости, платья красивые и яркие, отсутствие коих для меня было совершенно непонятным. Иногда от обиды хотелось плакать и я плакала, не в состоянии объяснить причину своей, и без того загруженной проблемами и заботами маме.

Первый стыд и позор, казалось, я испытала еще тогда, в младших группах детсада, когда в один из теплых дней мама привела меня в садик в разных носках, вернее, на одной ноге был носок, а на другой гольф, оба вдобавок были еще и разного цвета. Как назло в тот день у кого-то из детей пропал то ли носок, то ли гольф, меня как преступницу затаскали по группам, представляя всем на обозрение и сравнивая мои чудо-носки с пропажей. Убедившись в моей непричастности, воспитатели, испытывая к моей персоне некое осуждение, отпустили меня в свою группу, но чувство неловкости навсегда поселилось в моем подсознании.

В будущем, я твердо знала, мои дети всегда будут обуты-одетыми и обязательно опрятными, им никогда не будет отказано в сладостях, их детство будет счастливым и пре-

красным, а детей у меня будет много и я им всем придумывала звездные имена. То были лишь детские мечты...

Очень смутно помню нашу семейную поездку на строительство какого-то канала в Казахстане: редкие домишки среди песков, кругом пусто и обыденно. Родители на работе, мы, ребятня, днями были полностью предоставлены самим себе.

Как-то по радио оповестили о надвигающейся буре, мама спешила к нам домой, волнуясь и опасаясь надвигающейся стихии. Но мои старшие братья и сестрица тем временем уже предприняли кое-какие меры безопасности. Услышав от соседей слово «смерч», они бросились в дом, закрыв на крючок дверь. Меня, тогда еще малышку, связав по рукам и ногам мамиными чулками, запихнули под кровать, как бы оберегая от надвигающегося ненастья.

А в 4–5-летнем возрасте я неосознанно убежала из дома вместе с соседским мальчиком Васей Рязановым, который был на год младше меня. Впрочем, убежать мы тогда вовсе и не собирались. Заигравшись вдвоем на улице, решили прокатиться на тележке соседа, проезжавшей мимо и запряженной, на наш взгляд, интересной лошадкой. Безотказный соседский дедуля позже, конечно, пострадал за свой необдуманный поступок, ему здорово досталось от наших родите-

лей.

Пропавшие вдруг на целый день дети взбудоражили всю соседскую округу. Нас тщетно искали. Мы же тем временем, грязные и чумазые, с удовольствием доехав до самой площади, спустившись к пляжу, пошли гулять по берегу, собирая желтые одуванчики. Чуть позже, уставшие, вместе с Васьком направились в гости к моей бабушке, проживающей тогда в том же районе в офицерском доме. Удивленная и немного взволнованная бабуля, понимая, что нам этим днем немало достанется (чего мы совершенно не понимали), поскорее накормила нас и отправила домой, немного поругав, припугнув и объяснив нам наше положение. Испуганные не на шутку, мы спешили домой. Как я узнала позже, Васька выдрали тогда по полной программе, я же отделалась легким испугом. Мама очень доходчиво пригрозила мне милиционером и поставила в угол, из которого я тайком выглядывала, посматривая с надеждой на дверь: «А не придет ли действительно дядька и не заберет ли меня?»

Последний выпускной утренник в детсаде я ждала как знаменательное событие в ожидании непредсказуемых подарков, впереди школа, новые интересы. Но утренник не совсем понравился мне. Всем девочкам дарили маленькие пластмассовые игрушки, что никак не совпадало с моим желанием.

А на первую школьную линейку пришлось идти одной, с тоской поглядывая на других учеников, шествующих под руку с родителями, в ярких формах и с цветами. Школьной формы у меня, конечно, не было, я тихо и одиноко стояла в стороне, совершенно ничего не понимая. Единственно, что тогда сообразила сделать, так это подойти к учительнице и спросить, где и у кого мне предстоит учиться. Получив непонятный ответ, все же пришла на следующий день к тому же преподавателю в тот же кабинет и, как оказалось, правильно. Никому не нужная и не интересная я чувствовала себя тогда почти гадким утенком, в душе где-то даже завидуя одноклассникам белой детской завистью.

Помнится, по парикмахерским мы не ходили, мамуля этим делом в совершенстве не владела, а мальчишек стриг отец под машинку.

В память врезались два случая, когда меня постригли налысо. Теплым летним днем я играла с импровизированными игрушками в нашем огороде рядом с домом. Собравшаяся куда-то по делам мама второпях прямо там обстригла меня под ноль. Спокойно относясь к процедуре, я продолжила свою игру. Но, уже будучи школьницей, во время летних каникул, перед отъездом по бесплатной путевке в пионерский лагерь им. Гастелло, мне вновь пришлось пройти

неприятную процедуру. Было очень стыдно чувствовать себя обстриженной наголо, находясь среди ребятишек в косыночке и слыша вслед издевательские насмешки типа «лысая башка». Но более неловкое положение пришлось тогда испытать от старенького чемоданчика, совершенно разодранного, который я пыталась тщательно прикрыть своей курточкой.

Наряду с этим, были и интересные события. Став чуть постарше, вместе с сестрой и ее подружками мы ходили в горы за ягодами, было очень интересно и забавно, а земляника попадалась удивительно вкусная. Забравшись вглубь гор и с удовольствием поедая ягоду, мы вдруг попали под проливной, но теплый дождь. Промокшая, но довольная компания с неохотой возвращалась по домам с приятными мыслями о походе. Я любила наши горы, постоянно имея желание сходить туда с кем-либо, но по натуре своей была слишком одинокой. Поэтому часто уходила туда одна или со своими собачками – Дигом и Аргоном. Иногда, взяв кое-что из еды, просто уходила на поляну и скалки, а порой забиралась далеко в горы, встречая там нашу корову Машку, и от встречи с ней становилось крайне весело на душе, как от встречи с близким и родным существом. Поговорив с ней и покормив ее хлебом, я вновь одиноко возвращалась домой.

Соседские девочки играли со мной, но не более того. Подруг у меня, тогда еще ученицы начальных классов, совсем

не было. Было грустно, скучно и уныло.

По утрам мама, уходя на работу, оставляла нам хлеб и молоко.

Жарить картошку почему-то было всем лень, поэтому мы предпочитали готовить яйца, но для этого приходилось, услышав кудахтанье курицы, бежать наперегонки в курятник за теплыми яйцами, иногда везло забирать у несушек и по 2–3 штуки. Таким образом, завтрак или обед был обеспечен. Порой мы дрались со средним братцем, отстаивая свое право на уже приготовленную пайку.

Я совершенно безразлично относилась к своему старшему брату, недолюбливала сестру и жутко ненавидела среднего, постоянно желая ему в душе всякие гадости. Обожала подолгу находиться в нашем саду, сидеть под яблоней, напевая тут же придуманные глупые песенки, вдоволь объедаясь вкуснейшими яблоками и сливами. Часто играла с поломанными машинками, разговаривая с яблоней, могучей как дуб.

По просьбе мамы мы собирали созревшую малину и смородину, которые частично шли на продажу, а из оставшейся ягоды готовили на зиму варенье. За труд нам давали мелочь, которую я тут же бежала тратить в ближайший магазин, покупая грамм 100–150 конфет и чрезмерно радуясь этому.

Отец же приучал нас убирать в сарай привезенные на зиму дрова-срезку, что не очень-то нравилось делать под палящими лучами солнца. А по осени мы славно убрали хороший урожай картошки, нашей основной пищи.

Будучи школьницей, я училась как могла, относясь к занятиям несерьезно. Среди одноклассников одета была хуже всех. Однажды даже наша замечательная и славная учительница начальных классов, она же и дочь подруги моей бабушки – Александра Кусаиновна Иштерекова, сделала мне в присутствии всего класса замечание по поводу моего внешнего вида. До того момента я даже не понимала, что выглядеть опрятно – это хорошо, а маме почему-то было не до нас.

Перед школьными занятиями мы с сестрой пытались расчесать свои длинные запутанные волосы обычной загнутой алюминиевой вилкой, глядя в отражение стеклянного буфета, так как зеркала у нас долгое время не было, да и единственный мамин гребешок мы не всегда могли найти. За отсутствием часов времени никогда не знали, приходилось узнавать у соседей, которым все изрядно поднадоели своей беготней. Готовить и убирать в доме как-то никто не любил, было всегда грязно и неудобно: обычно ходили по комнатам в уличной обуви, щелкали на пол семечки, могли запросто плюнуть в любом месте.

Огород держался на родителях, мы, детки, были с ленцой, хотелось вкусно поесть, но ничего не делать. Мечталось в будущем иметь хорошую квартиру и чтоб никаких огородов. А мама всегда говорила: «Погодите, вырастите – поймете, без огорода будет очень дорого все покупать». И, конечно же, она была права.

За нашим домом находился отличнейший палисадник, в котором было очень уютно, летом мы с соседскими ребятами любили играть там за столом в карты. Но большую часть времени я все же проводила в излюбленном месте, под яблоней, постоянно чувствуя себя человеком одиноким и «забитым». Любила трясти и сбивать с яблонь яблоки, долго сидеть в саду, мечтая и распевая песни.

Наш отец в свою очередь был заядлым рыбаком, коптил пойманную рыбу рядом с домом, а мы все уплетали ее с наслаждением за обе щеки.

Одно время начали держать в доме кроликов, и я их сильно любила. Собирала для них траву, кормила. Маленькие крольчата были крайне забавными и игривыми. Но за все то время, что мы держали кроликов, мне так никогда и не захотелось прикоснуться к приготовленной из них пище. Увидев однажды сценку, когда отец одним взмахом забил несчастное животное и содрал кожу, я болезненно отнеслась к той

процедуре, жутко жалея своих подопечных. Но вскоре из шкурок нам сшили шапки-ушанки, от которых я все же не отказалась, носила с удовольствием, в моем понимании это была роскошь.

По вечерам нам предстояло в обязательном порядке ходить на поляну за коровой и теленком, там было очень здорово: рядом высокие красивые горы, которые мы облазили не один раз, теплый ветерок, над головой ярко-голубое небо – все живописно и красочно.

Иногда мне нравилось с одноклассницей и соседкой Натальей сидеть на берегу Иртыша, слушая плеск воды, с наслаждением погружаться в мысли и мечты о далеком и прекрасном будущем, дальних странах, морях-океанах.

В один из летних отпусков к нам в гости из Харькова приехала тетя Зоя, сестра отца, с сыном Артуром и троюродной сестрой из Барнаула Ларисой Любарской. Я очень радовалась их приезду. Тетушка тогда осталась в моей памяти добродушной, но крайне вспыльчивой, она много нервничала по любому пустяку. И особо запомнилась мне своим стран-

ным отношением к сыну, которого жестоко наказывала по любому поводу. Иногда я даже жалела Артура, получавшего незаслуженно тумаки, а все из-за капризов привередливой и бессовестной Ларисы. По ее вине озорному мальчугану часто приходилось страдать. Но, несмотря на негативные моменты, я все же радовалась их присутствию и даже начала к ним привыкать. Нам нравилось, как готовила обеды тетя Зоя, и хотелось, чтоб они не уезжали обратно. Артур рос ребенком добродушным, толковым и любознательным. Мы за просто нашли общий язык, он казался забавным и смешным. Как-то после очередного незаслуженного наказания, глядя в его обиженные глаза, я ненароком подумала, что он вырастет и не забудет своих обид. Подумала – и надолго об этом забыла...

Пройдут годы, мы встретимся совершенно случайно с Зоей в Томске. Заканчивалось лето 2001 года. Наша встреча окажется слишком короткой и случайной. Постаревшая тетюшка будет горько сожалеть о прожитых бесцельно и бесполезно годах жизни, о личной беде, семейной драме...

Отслуживший в свое время в Афганистане, Артур домой вернулся совершенно другим человеком, неуравновешенным, нервным и дерзким. Зоя долгие годы скрывала от всех свое проклятие и несчастье. Для окружающих Артур был пареньком воспитанным и деликатным. Высокого роста

и с приятной внешностью, как оказалось, дома он был другим. Тиран в человеческом обличье, он жестоко и постоянно издевался над матерью, систематические пьянки изводили на нет несчастную мать. Она страдала от боли, позора и унижений; часто, избегая побоев, убегала из дома и долго стояла в подъезде или на улице дрожа от холода.

Все это тетушка рассказывала на ходу, во время расставания на вокзале, пытаясь хоть как-то и с кем-то поделиться своим горем. Мне было искренне жаль несчастную постаревшую Зою, просто неудачливого по жизни человека. В своих редких письмах она изливала душу, но очень боялась последствий. Поэтому, отвечая на ее письма, я всегда писала, словно ничего не зная о проделках ее сына, подбадривая их теплыми пожеланиями. Расставаясь на томском вокзале, Зоя долго махала мне рукой из тамбура вагона и очень сильно плакала. Я в тот год, и сама-то еще находящаяся в затруднительном положении, без угла, приютив при этом еще и приехавшего с нами из Серебрянска племянника Женьку, все же хоть как-то пыталась помочь своей родненькой Зое. Делая вид, что у меня все в норме и достатке, на последние деньги покупала ей в дорогу кое-что из продуктов. Наша переписка не заканчивалась никогда.

...А в 1997 году, в первый год нашего пребывания в Томске, мне пришло письмо от Зои, где она сообщала о нега-

тивных и непорядочных упреках и высказываниях в мой адрес моей сестры. Не понимая, кто из нас двоих прав, а кто виноват, но все же веря больше мне, Зоя, осуждая Шолпан, за долгие годы впервые написавшую тетке с целью очернить в ее глазах мою персону, переслала это письмо мне. Было больно читать. Сестра, обвиняя меня, сообщала, что я уехала в Россию, обобрав свою мать до нитки, прихватив с собой все, вплоть до постельного белья...

Простив ей все, в 2005 году мы с сыном подарим той самой моей сестре квартиру нашей мамы, доставшуюся Руслану по завещанию. Вот так просто, удивляя и приводя в негодование и недоумение своих знакомых и друзей, особенно Людмилу Дацько, в будущем подругу, которая при каждом удобном случае укоряла меня за необдуманный поступок: мол, как ты можешь, после стольких обид еще и квартиры дарить?! В ответ я всегда отвечала: «Люда, ты же сама учила – умей прощать».

Я, конечно, тоже особого склада характера, но простила сестру потому, что увидела в ее глазах пережитую боль и осознание. Хочется верить, что второй раз она не предаст! Прощать, конечно, можно и нужно, но не каждого – по такому принципу я живу и мыслю...

...Еще в классе пятом, придя со школы, я застала дома отца, раньше времени вернувшегося с работы, распивающего что-то на пару с незнакомым мне мужиком. Их выпивка заканчивалась, но расходиться и прекращать мероприятие они не собирались. Поэтому отец, совершенно не подумав, послал меня без всяких обсуждений и согласия за очередной бутылкой. Взяв деньги, я прибежала в указанный магазин, объясняя продавцу, что меня попросил отец. Но там меня пристыдили и унизили, ничего не оставалось, как идти в другой магазин. Совсем не понимая и, естественно, не смысля в спиртном, я купила первое предложенное продавцом недорогое вино. Вернулась домой позже положенного времени. Заждавшийся и обозленный отец, вдобавок увидевший в моих руках совсем не то, что хотел, чуть не зашиб меня на месте. Оказалось, моя ошибка испортила им вечер. Самой мне было жутко обидно: забившись в угол дальней комнаты, я тихонько утирала слезу.

В летние каникулы меня очень радовал приезд в гости к родственникам, живущим через дорогу, их внуков. Любила играть с Айман и ее братом Аскар, а также их сестренкой, тогда еще совсем малышкой, Шолпан. Они росли детьми обеспеченными. Отличные дефицитные вещи, а ино-

гда и импортные, навевали на меня грусть-тоску и некую зависть.

Иногда из далекого аула к ним приезжал брат Айдын, он был младше меня года на три. Мы всегда дружно и забавно общались, с трудом изъясняя свои мысли. Я, говорившая только по-русски, пыталась на ломаном казахском языке хоть как-то объясняться с ним. А он всегда потешно, вполне толково, но все-таки понимая меня, передразнивал все мои старания, каждое неправильно произнесенное слово. И, тем не менее, мы дружно играли, ходили вместе по магазинам, просто гуляли по нашему городу.

Еще я очень любила наших дворовых собак, Аргона и Дига, самых верных и преданных псов. Диг был серьезный, черного окраса с белыми отметинами на груди, не велик, но грозен, очень походил на лайку. Аргон, в противоположность ему, был белым, толстым, пушистым, глупым, красивым, игривым, но очень ответственным песиком. Они добросовестно выполняли свой долг, отстаивая безопасность двора. Даже мои редкие подруги не могли пройти в дом без моего присутствия рядом.

В одну из смен моей подработки на почте после девятого класса я как-то позвала с собой в сопровождение наших собачек. Радость так и светилась в их глазах, они очень любили

прогуляться с хозяевами, но не всегда и не каждый звал их с собой. На прогулке дружки вели себя крайне прилично, ни на кого из прохожих не лая и не кидаясь, просто приплясывая задом, забегая немного вперед, играя друг с другом,

вопросительно посматривая на мою реакцию, бежали рядом, довольные, охраняя мой покой. Вечерами было страшновато шестнадцатилетней школьнице бродить в незнакомых местах с доставкой телеграмм.

А с моими неразлучными и верными собачками было всегда спокойней.

Иногда задумываешься, как вообще родители допускали столь небезопасные ночные подработки!

Вот так однажды днем без боязни я вошла в тихий двор, покричала немного, но, не дождавшись хозяев, решила зайти в полуоткрытую дверь. Заглядывая в прихожую, но не слыша ответ на свой зов, думая, что хозяева вздремнули, вместо того чтобы уйти, я смело прошла в комнату. Холодок пробежал по спине. Бежать было поздно и бессмысленно. На меня, вопросительно уставившись, глядел здоровый грозный пес, но, наверно, умный, так как стоял совершенно спокойно, понимая, что с моей стороны не последует никакой угрозы. То был урок на всю жизнь – не заходить в незнакомые места.

Пес спокойно смотрел на меня, я осторожно пятилась назад, пытаясь не спровоцировать неловким движением хищника. Захлопнув за собой наконец-то дверь, как ошпаренная бежала прочь, обдумывая на ходу преподанный мне самой судьбой урок, словно сама природа мне шептала: «Будь разборчива и осторожна».

В один из последующих дней я вновь позвала с собой на дневную смену Дига. Аргон этим днем, видать, где-то заигрался. Довольный пес шел важно рядом, явно выражая свою гордость. Я зашла через парадную дверь на почту. А выполнив свои дела, вышла через служебный ход, забыв о подждавшем меня Диге. Да и вообще я тогда подумала, что песик, не дождавшись, обязательно вернется домой. Каким же было мое удивление и благодарные чувства к верной собаке, когда обходя здание почты, мне предстала следующая картина: озорные мальчишки закидывали Дига камнями, он, взвизгивая, отбегал и снова возвращался к двери, в которую зашла я, не кидаясь на подростков, проявляя истинное благоразумие. Он просто ждал, не обращая внимания на обидчиков, разумно терпя их хулиганские выходки, не отвечая на провокации. Эмоции переполняли меня. Крикнув ему: «Диг!», я увидела, как удивленный песик вприпрыжку с радостью кинулся ко мне, не понимая, как же это мне удалось оказаться в другом месте, ведь он тщательно отслеживал мой выход обратно.

Мои верные благородные песики, как жаль, что больше не повторятся те прекрасные мгновения общения с вами. Грустно и больно вспоминать, как они погибли в один день. Их утрату мы переживали всей семьей, но больше всех страдала от разлуки с ними я, так как больше всех была привязана к ним.

Машина из спецхозяйства осенним днем выполняла запланированный отлов брошенных собак. Как жаль, что в нынешние времена к действительно бездомным и обозленным псам, рыщущим по городу и бросающимся на прохожих, особо не принимают определенных мер. Это часто приводит к трагическим последствиям. Но в те времена у нас брошенных собак, как правило, не было, все были более чем сыты и довольны. Не было случая, чтоб так вот просто собака бросилась на прохожего или, того хуже, покусала. Наши собачки играли возле дома. Работник спецслужбы, заметив собак без ошейников, хорошо зная, что в дневное время в частном секторе мало кто бывает дома (взрослые на работе, дети в школе), смело погнался за нашими питомцами. Поймать сразу их не удалось. Дига он зацепил, накинув на него петлю у наших ворот и сразу закинув в машину, а Аргона, застрявшего в заборе, проткнул с ходу металлическим ломом. Все это видел старший брат, но не успел среагировать и помочь. Аргон уже умирал в конвульсиях. Увидев обозленного выбежавшего хозяина дома, испугавшийся ничтожный наглец

лишь рассеянно развел руками: мол, ну извини. Казалось, я возненавидела тогда весь мир, было очень больно и обидно за подобную жестокость. Долгие годы эта досада так и не утихала в моих мыслях. Я до сих пор с любовью рассказываю своему сыну о наших самых лучших и верных дворняжках, которых любила всем сердцем. Так точно и правильно написанные строки Эдуарда Асадова очень кстати подходят нашим дорогим и классным друзьям, Дигу и Аргону: «Ведь может быть тело дворняги, а сердце – чистейшей породы!»

6

Мой отец был человеком далеко не разговорчивым, за исключением моментов, когда язык легко развязывался «под градусом». Пока мы были маленькими, я его не побаивалась. Из любопытства на пару с братцем просила рассказать о войне. Тот не очень любил эту тему, видать, дикой болью отзывались у него в душе те далекие и неприятные воспоминания. Его отец умер, пройдя всю войну в пехоте, от полученных смертельных ран через месяц после победы. Наш отец – офицер-танкист, рассказывал о многочисленных им уничтоженных фашистских солдатах, сожженных деревнях, поваленных столбах и свисающих на оборванных проводах внутренностях погибших мирных людей; о голодных детях, ко-

торым он отдавал свою пайку хлеба, хотя намеревался ее поменять на махорку.

Нам было больно и страшно, слушая, представлять правдивые истории эмоционально измученного, с годами не забывающего трагедии прошлой жизни отца, прошедшего войну с июня сорок первого по май сорок пятого года. Иногда за рассказом он тихо плакал, я молча исчезала из поля его зрения, давая волю его чувствам.

Обдумывая услышанное, иногда представляя себя на поле битвы, я хотела сделать добро бедным людям, биться с врагом. По ночам видела сны, в которых мне предоставлялась возможность стрелять из непонятного и немислимого оружия по врагам, освобождая землю от захватчиков. Просыпалась я довольной в предвкушении Победы, вспоминая из сна заслуженные награды на своей груди. Я чувствовала себя маленькой героиней, но то был всего лишь сон под влиянием впечатлений.

Иногда отец рассказывал о своем трудном детстве, когда родители посылали их с братом в рабочую баню для шахтеров, где тем выдавали маленькие нарезанные кусочки хозяйственного мыла. После помывшихся работяг всегда оставались маленькие обмылки, которые дети, с усердием собирая, лепили в комок, принося домой уже солидный кусочек столь

необходимого и недостающего мыла.

Познавая прошлое, осознаешь ценность настоящего. Тот, кто не испытал тягот жизни, никогда в полной мере не оценит истинную радость грядущих дней.

Уже будучи подростком, я попала случайно в нелепую ситуацию.

К нам домой очень часто приходили друзья и знакомые старшего брата, которых мы уже немного знали. Но также нам было известно, что все они далеко не порядочные ребята и некоторых в будущем ожидали совсем не романтические приключения, а, скорее, неволя. Тем не менее отец не запрещал сыну общаться с такими приятелями. Многие из них уже давно спились, имея за плечами потерянные годы на зоне, кого-то уже нет в живых. Но один из таких запомнился мне надолго.

Я еще бестолковой девчонкой, находясь в своей комнате, перебирала что-то в своем портфеле, брат находился на дворе. Неожиданно за моей спиной появился его постоянный дружок Саша Кеберле.

Он тогда был недурен собой и старше меня лет на семь. Взрослый парень, с дерзким взглядом закоренелого преступ-

ника, просто сжал меня в своих львиных объятиях, я замерла от страха, не понимая, что делать в такой ситуации. Борьба и дергаться было бессмысленно, кричать стыдно, я чувствовала себя словно мышка, задавленная в зубах кошки. Мне даже не понятны были движимые им эмоции, я лишь ощущала от него негативную энергию, испытывая животный страх. Но голос входящего со двора брата вмиг развеял непонятные намерения его дружка, который, засмеявшись, молниеносно испарился из комнаты, уверенно зная наперед о моем молчании. Позднее, через несколько лет, я узнаю, что тот самый Саша, отбывший не один срок, однажды, вернувшись домой, изнасиловал свою старенькую мать, от чего та повесилась у себя в подполье. О дальнейшей судьбе закоренелого зека и отъявленного подонка я ничего не знала, слыша лишь проклятия в его адрес от знакомых людей.

И вновь о детстве. Какое-то время наша семья совершенно не общалась с родственниками, живущими через дорогу, и тому была серьезная причина.

Некогда жившие вместе под одной крышей в далекие тридцатые годы моя мама со всей семьей ее старшего брата и с их матерью были очень дружны.

Уже во времена моего детства наша семья, имея корову, всегда делились с родичами молоком, а когда отец колол ско-

тину, то безотказно угощал их свежим мясом. Все праздники проходили не без участия обеих семей. Но однажды, именно после такой вечеринки, когда давно разошлись все гости, моя мама, оставшаяся там по просьбе ее снохи Даметкен для продолжения разговора, неожиданно и совсем не заслуженно получила резкий удар тяжелым предметом по лицу. Не понимая причины подлых действий опьяневшей родственницы, с глубокой обидой она покинула стены дома своего брата. Наутро мы не узнавали маму, на которую было жалко и смешно смотреть из-за огромного синяка. Она строго запретила нам ходить через дорогу к родичам, не объясняя на то причину. Мы понимали, что они поссорились, отец молчал.

А чуть позже мама «издалека» объяснит причину неприятной ситуации. Нашей тетушкой Даметкен правила необузданная ревность ко всему. Прожившая обыденную жизнь, она несколько завидовала природной красоте своей золовки и, не скрывая негативных чувств, выплеснула эмоции тем злополучным вечером, не осознавая своих действий. И мы действительно надолго перестали общаться с ними. Но время лечит раны. Все хорошее еще впереди!

Ну, а в младших классах я неосознанно шалила. Любимым занятием было порыться в маминой сумочке с документами, днем, когда дома никого не было. Уже наизусть зная ее

содержимое, все равно с интересом перечитывала старые пожелтевшие письма моего отца к маме, удивляясь: неужели и между ними была любовь и какие-то еще чувства. Казалось, что они просто мои родители, вот есть и все, что так должно быть. Среди прочих документов хранились денежные облигации. Мне и в голову не приходило осознать их назначение, но подумав, что это все же какой-то денежный знак, решила одну из купюр взять себе, не понимая даже для чего. Прошло время, я забыла о своем хулиганстве, а мама тем временем говорила что-то о погашении облигаций и тщательно искала пропавшую бумажку. Меня словно обожгло огнем, но сознаться в содеянном не хватило смелости. А мама, твердо убежденная, что это сделал кто-то из детей, сильно ругалась, называя нас последними словами. Вскоре, когда все поутихло, я незаметно вернула пропажу на прежнее место с чувством стыда и самоосуждения. Мамуля, конечно, потом найдя облигацию и поменяв ее на деньги, больше ни словом не напомнила о происшедшем. Это была ее правильная тактика.

В седьмом классе, в самом начале учебного года, в наш класс перешла новенькая девочка из другой школы. Немного

неуверенная школьница представилась Людмилой, ее сразу усадили за парту рядом со мной. Несмотря на постоянное чувство одиночества, с Людой мы нашли быстро общий язык и интересы. Она была частым гостем в нашем доме, впрочем, в свободное время я тоже бежала к ней. Но, если видела ее с другими девочками, то переносила это крайне ревниво. Хотелось заявить, что она только моя подруга и должна общаться лишь со мной. Из-за этой нелепости мы иногда ссорились, причем Люда не понимала причин ссоры и очень болезненно переносила мои капризы, при этом каждый раз прощая мое непонятное поведение. Она вела себя так, будто ничего плохого между нами не было, являлась девочкой крайне общительной и веселой, а я не могла подчинить ее себе и заставить дружить только со мной. В отличие от нашего быта, меня всегда восхищала чистота и порядок в их квартире. Ее строгая мама была человеком требовательным и порядочным, никогда не мешающим нашим дружеским отношениям. Даже иногда говорила в моем присутствии о некоторых мелочах, подчеркивая, что им с ошибкой записали фамилию, и вместо Урбанович, они стали Гурбанович, и имеют еврейские корни. Впрочем, я не понимала тогда значение сказанного. Находясь в нашем доме, мы с подругой стояли чуть ли не на ушах, вытворяя неопишуемые проделки: то варили большую чашку манной каши, а объевшись, чудили в комнате за столом; то барабанили ложками и тарелками под импровизированные напевы, во все горло распевая несурраз-

ную тарабарщину, и довольные своими затеями от души хохотали. Гуляли вечерами по улицам, мечтали. Так прошел год.

Летом я познакомилась с соседской девочкой, приехавшей в гости к своим родственникам на неопределенное время. С Лилией Ковалевой мы тоже легко сдружились, а так как жили рядом, то виделись каждый день. Вечерами допоздна сидели на скамейке возле наших ворот, наслаждаясь теплом тихого городка, любуясь звездным небом, загадывая желания и мечтая о будущем. К осени мы с Лилей были уже близкими подругами. Настала пора в этот год перейти мне в новую школу, что построили рядом с нашим домом, туда пошли и Людмила с Лилией. Люда с пониманием отнеслась к моей очередной подруге, мне же еще предстояло подумать, как их делить. И, словно назло, нас троих определили в один класс. Пока я в нерешительности после школьной линейки раздумывала, за какую парту и с кем из подруг присесть, они, недолго думая, уселись довольные вместе, как бы предавая меня. Я вновь ощутила себя одинокой. Мною правили на тот момент лишь эмоции. Я ничего не видела и не слышала, новая школа потеряла для меня интерес, друзья словно предали, обида затмевала разум. Тогда в памяти всплыла фраза: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь». Надо уметь быть проще, чего на тот момент мне не хотелось понимать. Было лишь одно желание: подаль-

ше бежать от обеих подруг, не видеть их, не общаться и как можно сильнее обидеть их самих, чтоб помнили – «вот она, я, зря вы забыли обо мне!» Мои гнусные мысли словно кто-то прочитал свыше. Через день-два, нас с Лилей неожиданно перевели в параллельный класс, так как в этом был перебор. Люда осталась одна в новом коллективе. Я же носила в себе лишь одну мысль, чтоб и Лилю тоже оставить одну, дав им возможность на себе прочувствовать одиночество и предательство, считая себя правой. Учеба мне тогда давалась легко, директор школы, он же и учитель физики, даже заметил мои способности, коих совершенно не замечалось за мной ранее. Тут уж нельзя не согласиться, что многое зависит от преподавателя.

Проучившись в школе более месяца, я больше не хотела там задерживаться: все было чужим, да и моя обида давила по-прежнему на мои мысли. Найдя отговорку и вполне обоснованное оправдание перед мамой и директором школы, я убедила их, что не в силах находиться в чужом коллективе, скучаю по прежнему родному классу.

Выхода иного не было, как вернуть меня назад, в прежнюю школу. Помню зареванные голубые глаза Лили, она искренне плакала изо дня в день, умоляя меня остаться и не оставлять ее одну среди чужих. Я же была эгоистично неумолима и, чувствуя победу, злобно торжествовала. Обиженная

Лилька все же продолжала со мной общаться. А я вдобавок ко всему совсем не порядочно перестала общаться с Людмилой, тем самым оставив ее в недоумении.

Сестра тогда очень удивлялась моему необузданному дикому характеру, но делать было нечего, казалось, я была неисправима. Вернувшись в свой класс, мне представилась возможность познакомиться с новенькой девочкой, которую посадили за мою парту. С Наташей мы тоже легко сдружились. Она жила далеко от школы, у бабушки. Девочка была неплохая, но единственное, что мне в ней не нравилось, а порой и отталкивало, это совершенное отсутствие понимания гигиены, постоянные неприятные запахи, из-за которых наши равнодушные девчата делали ей замечания. И у всех была тема – о чем поговорить и кого обсудить. С Наташей, пока она училась с нами этот год, я общалась, но друзьями мы так и не стали.

В начальных классах, очень часто после школы я уходила к бабушке, относя ей молоко и овощи, любила просить у нее одну-две карамельки, не понимая, что она не получает пенсию даже за погибшего мужа, а подсказать ей тогда об

этом никто не додумался. Отец мой не всегда мог помочь ей в финансовом плане. А бабуля, вопреки всем препятствиям, умудрялась что-то кому-то продать на базаре, что-то связать, посидеть с чьим-либо ребенком – вот так и выкручивалась. Но меня она любила и делилась, чем могла.

Однажды отец, получив очередную зарплату, решил «гульнуть», оставив себе, как в порядке вещей, 3.62 на бутылку, все остальное он отдавал маме. Мы же, как назойливые мухи, слетались в попытке выпросить рубль или 50 копеек, иногда это удавалось и радости не было предела. В тот самый раз на пути в магазин отец, встретив нашу маму, сказал ей, что деньги он положил под швейную машинку.

Сколько же было потом слез и шума: деньги пропали, а надо было тянуть семью до следующей зарплаты.

Сейчас я очень хорошо понимаю тот поступок своей бабули. Маму тоже было жаль, она очень сильно ругала и проклинала бабушку, причитая, что дети остались без ничего. Но что оставалось делать бедной бабуле, вдове фронтовика. Тогда ей было уже лет 80, она сама как-то перебивалась, жила и ухаживала за собой, ну не было у нее средств, так уж получилось, взяла и все! И за это ее нельзя судить, она была бедной, несчастной, одинокой женщиной. Откуда-то у нее брались силы. Она еще каким-то образом могла самостоя-

тельно навещать всех своих «непутевых» детей. Даже в свои 90 лет этот удивительный человек умела фантастически преодолевать любые дороги: будь то из Казахстана в Россию или из России на Украину, трясясь по несколько суток в общих вагонах с пересадками. Поистине, то была Великая и самая классная бабуля!

Милая моя, я помню тебя, люблю и преклоняюсь пред тобой! Прости, что осознание было поздним, прости, что вовремя не помогла, не уберегла! Прости за все!

Пройдут годы. Мы с бабушкой встретимся после долгой разлуки уже лишь в восьмидесятые годы в Харькове. Я тогда с почти семилетним сынишкой по какому-то внутреннему зову полечу навестить ее и, в общем-то, напоследок. Зоя, ее дочь, тогда писала нам, что бабушке уже за 100 лет, что она давно слепая и безумная, но то был лишь всего самообман.

От долгого одиночества, а бабушка постоянно оставалась в квартире одна, действительно можно не только потерять разум, но и веру...

К тому времени немало досталось и на мою долю. Я ехала в Харьков в надежде изменить что-то в своей жизни, просто устала от безысходности. Продав свой удивительной красоты ковер, взяла два билета на самолет – и в путь, не сообщив о

своем приезде заранее тете Зое.

Как ни странно, но моя бабуля, обладая даром предвидения, уже знала все наперед. В день нашего приезда она еще ранним утром стала приставать к дочери с вестью, что к ним приедет хорошая девушка с мальчиком и она, бабуля, их очень любит и ждет. Зоя все услышанное восприняла как бред сумасшедшей старушки. И каково было ее удивление, когда она вечером того же дня увидела нас двоих у себя дома!

Дорога была сложной: задержки, пересадки в Москве, пришлось почти всю ночь простоять на ногах, по очереди уступая с сыном место на дорожной сумке друг другу, чтоб хоть как-то отдохнуть. Я уже тогда, отметив выдержку и стойкость своего малыша, думала: «Ну, этот пробьется по жизни, и дай-то Бог!»

К двенадцати часам дня мы с сынишкой уже были у двери, разделявшей нас с бабушкой до вечера на долгие шесть часов. Тетя Зоя была на работе, ее сын Артур тоже. Я позвонила и постучала в дверь. Бабушка, которая к тому времени была практически не ходячая и полуслепая, все же добралась до двери, но открыть ее так и не смогла. И начался долгожданный длительный разговор по обе стороны двери.

Она помнила все! Очень радовалась и плакала, пела долго все свои любимые татарские песни. Было слышно, что бабуля умудрялась на радостях плясать – и это все в сто с лишним лет!

У тетушки мы пробыли чуть меньше месяца. Тогда я поняла, что никто мне не сможет помочь, надо самой пробиваться в жизни. На Украине мне не светили ни работа, ни жизнь, да и вообще не было никакого будущего.

И, как теперь я понимаю, думала я тогда правильно. Ох, как сложно теперь, в нынешних условиях, выживать Зое там, уже далеко не в советской Украине.

За проведенное в Харькове время мы с бабушкой много общались, вспоминая все хорошее: о том, как ходили вместе в кино на арабские и индийские фильмы, как часто я писала под ее диктовку письма родственникам, так как она в свое время была обучена только арабской грамоте, как ходили к ее подругам-татаркам.

Говорили и о ее твердых позициях – всегда стоять на моей стороне. Даже первые навыки на кухне я тоже познала от нее; когда бабушка попросила меня, тогда еще, наверно, первоклашку, почистить две картофелины, что оказалось очень мучительным и неприятным делом. Даже не зная как пра-

вильно держать нож, с горем пополам, я все же почистила один клубень, а от запаха крахмала, не понравившегося мне, очень разболелась голова. После не раз предстояло наблюдать, как бабуля готовит альбу – смесь обжаренной муки с сахаром и маслом, на мой вкус, очень славную. Также вместе с ней готовили неудачные петушки и я пару штук несла в школу, чтобы похвастать перед ребятами, хотя у других деток всегда были деньги на буфет. Мне же тайком иногда приходилось приносить с собой в стареньком затертом портфеле с пуговицей вместо застежки обычный кусок хлеба, который с неким стыдом незаметно и скрытно съедался.

Однажды одна из сестер-тройняшек нашего класса из обеспеченной семьи, заметив мой обед, стала смеяться надо мной и унижать, будто я чуть ли не нищенка и ем хлеб вместо булочек. С тех пор я настойчиво просила у мамы 10–20 копеек. Иногда удавалось скопить копеек 30 и спрятать в портфеле в надежде, что дома они не пропадут. Сколько же было слез и обид, когда мои сбережения в один момент украл старший брат, даже не оправдываясь, как будто я ноль, меня просто нет! Родители тогда его не ругали. Мама спокойно возместила мне пропажу...

...Из Харькова мы с сынишкой уезжали глубокой осенью на поезде, с большой тоской в душе. Было очень тяжело расставаться с бабушкой, а помочь ей я не могла.

Брат Артур вообще был человеком беспечным и эгоистичным, я где-то в глубине души подумывала, что хоть он поможет перевезти бабушку в Казахстан, но не тут-то было.

Отец мой к тому времени сам уже был стар и бессилён, единственно, что он мог, так это с каждой своей пенсии в 120 рублей высылал матери по десятке.

Родители от души радовались нашему возвращению с Украины. Зная мою авантюрную натуру, они боялись навсегда потерять из виду своего внука-любимца. Отец даже всплакнул, выпив от радости, подразумевая, что хоть один из правнуков навестил его мать.

По приезду домой я рассказывала о тяжелой жизни бабушки, что она плоховато видит, как однажды пошла из своей комнаты в туалет, а на обратном пути заблудилась, попав в промежуток между стеной и стоявшим там телевизором. Так и простояла до вечера, пока не пришла Зоя, плача, крича и взывая о помощи.

Мой отец слушал и рыдал, мама сочувствовала, но они и сами были уже в возрасте и помочь были не в состоянии. Отец причитал: «Были бы у меня силы, забрал бы мать сюда, привез бы доживать здесь».

Да вот беда, сил-то уже не было. А его сыновьям судьба бабушки была просто безразлична.

9

...Еще подростком Нуртай, окончив кое-как восьмилетку, пошел в местное ПТУ, но по окончании его работать не очень-то хотел, вел себя скверно, мог запросто нагрубить матери.

Однажды мама накрутила фарш на пельмени, а Нуртаю как старшему из детей отдельно поджарила несколько котлет, от запаха которых бежали слюнки, но мы не просили, знали – это не для нас. А каково было удивление, когда «любимчик», придя домой не в настроении, просто взял тарелку и выкинул в помойное ведро все котлеты. Для нас это был удар, для него – норма.

Думаю, именно тогда мама начала понимать, что из ее сыновей получились сущие негодяи, родители наконец вспомнили и обо мне. Но это все потом. После она выскажет вслух свою обиду: «Все! Все уже взрослые, тем более что никто и никогда из детей не пытается помочь хоть как-то ни мне, ни

отцу! Буду помогать только Гале, она последняя».

Я в тот момент даже как-то ожила, воспрянула: «Ну вот, слава тебе Господи, вспомнили и про меня...»

Ну а старший братец все так же продолжал дурить. Как-то вскользь я сделала ему мимолетное замечание и в ответ, не успев увернуться от кинутого им в меня сухаря, схлопотала ощутимый удар прямо под глаз. Первая обида, боль и неделя посещения школы с небольшим синяком, на который никто из домашних не обратил и внимания.

Но зло во мне уже кипит, проявляется и пробивается на свет мое собственное «Я»!

* * *

Я уже подросток, почти вошли в привычку частые домашние скандалы и пьянки отца. Изрядно поднадоела ежедневная уборка по дому, которая большей частью лежала на моих плечах, не хватало времени на уроки. К вечеру в доме порядок и чистая посуда, наутро, как всегда, бардак. Перед появившимися школьными подругами старалась не ударить лицом в грязь.

С отцом мы мало общались, он был малоразговорчив,

лишь пьяным, настолько успевал за ночь всем надоест, что хотелось бежать куда подальше от этого дома.

И вот обыденный вечер, очередная пьянка, шум, скандал. Отец вновь, как и ранее в моем детстве, поднимает руку на мать. Это слышат все, но никаких действий не предпринимают – обычный эгоизм и пессимизм. Мои нервы на пределе. Поднимаюсь, следуя на кухню (она же одновременно прихожая и спальня родителей). Вступаю за мать. Это была первая наша стычка. Во мне бушевали сильные эмоции, что называется «проснулась». Я укоряла, ругала отца за все: за мать, за бесцельно прожитые годы. Фронтовику, пьяному мужику и просто на тот момент неадекватному человеку явно не понравились мои действия. Разъяренный и злой он кинулся на меня с упреком: «Ах ты, проститутка!» Мама стоит онемевшая в стороне с ошеломленными глазами. В ярости я бросаюсь на него, и, надрывая горло, кричу: «Чтоб ты сдох, да я на твоей могиле шейк плясать буду!»

Жаль, конечно, и стыдно, что я так сказала, но это было именно так. В тот момент я не осознавала своих действий. Вместо меня словно был другой человек, больше не было Галитихушницы, забитой и несчастной дурнушки.

Это был далеко не спектакль, то была драма всей нашей жизни. Мы сцепились с отцом: он на меня с кулачищами, а

я, разъяренная, со стулом и большими фабричными ножницами в руках. Разнимали нас мама с Шолпан, казалось, все произошло как-то молниеносно и одновременно очень долго. Меня било в истерике, ножницы как бы срослись с пальцами. Я допоздна кричала, проклиная отца, издевательски провоцировала его и унижала. Нервный срыв – но только с моей стороны. Отец в тот момент для меня умер, я просто его вычеркнула из своей жизни.

Кроме моих криков в доме царила гробовая тишина. Отец как-то вмиг отрезвел и на замечание мамы – «Что же ты наделал?», вдруг все понял и осознал; он терпел и слушал мою несуразную брань, слушал за долгие годы все, что никто ему не мог никогда сказать. Так слушать он мог только свою мать, которую либо по традиции или по глубине души почитал и уважал, терпя от нее любые упреки, но только лишь от нее.

Наутро я спокойная, но с опухшими глазами собиралась в школу. Было тихо, молчала сестра, молчала и мать. Отец, словно пролистав иными глазами свою жизнь, вдруг что-то осознал, понял, что жизнь-то преломилась, теперь будет что-то по-другому.

Я продолжала жить, училась давать отпор обидчикам, огрызаться.

С отцом при всех его попытках не разговаривала вообще, проходила мимо, не отвечая на его обращения, его просто не было в моей жизни.

Да, ему было очень больно, но он терпел, ждал и надеялся...

Пьянок в доме со скандальным исходом теперь практически не было. Он иногда приводил своих товарищей, немного выпивали, по-тихому общались. А если я заходила вдруг в дом, его друзья здоровались со мной, на что мне приходила мысль дать им понять: «Вали отсюда!» Отец тихо говорил им: «У-у-у, это моя доча, она грозная и еще пробьется, это Галина Павловна». Я, конечно, слышала все это, немного было смешно и забавно, но простить отца не могла, он по-прежнему был для меня ноль.

Иногда приходили и ко мне подружки. Отец, зная мой характер, терпел услышанные в его адрес насмешки и выходки. Подружкам я говорила, что отца у меня нет, а что там сидит – так это пьяница Павел Степанович, до которого мне нет дела.

Я выросла. Мама чаще стала давать мне деньги на карманные расходы. И, как обычно, мне хотелось чаще покупать сладости, в обязательном порядке съедая их одна. Делить-

ся с родичами, тем более работающими и не дающими мне, школьнице, ни копейки, я тоже не желала. Наверно, отъедалась конфетами, так недостающими в детстве, что большей частью перепали только под Новый год и, как казалось мне тогда, не поровну делились между нами, из-за чего я просто плакала от обиды.

По окончании 9-го класса мне уже очень хотелось выглядеть как-то хорошо, ведь среди одноклассников меня воспринимали замкнутой, неприметной тенью.

На летние каникулы я устроилась на почту доставщиком телеграмм. Тогда и стала понимать, что такое труд. Радости моей не было предела, когда получила первые заработанные 90 рублей. Но и живого места на ступнях тоже не осталось, все было сплошной мозолью, наступать было очень больно. Перетянув бинтами натуго ноги, я вновь шла на работу.

К осени почти придела себя. По тем временам выглядела, можно сказать, уже привлекательно: сменила имидж, сшила новые наряды. Ребята стали обращать на меня внимание, девчата, приоткрыв рты, стали с завистью коситься.

Одна досада: вот на парфюм-то денег и не было, а так хотелось иметь хоть какой-нибудь ароматный флакон. Изредка пользовалась мамиными, за всю ее жизнь единственными

духами, в маленьком пузырьке «Красная Москва».

Так и по сей день для меня всегда самый желанный подарок – это духи, почему-то только им я больше всего рада.

В старших классах я немного подтянулась, стала лучше учиться и впервые поняла, что совсем равнодушна к своему однокласснику Сергею. Это чувство было взаимным. Но как-то не мог он подойти, переломить себя, хотя пытался заигрывать, мой сложный характер было сложно предугадать. То была первая, скрытая и продолжительная любовь. Я знала, что он всегда интересовался обо мне через моих братьев и друзей, но так и не смог переступить какой-то невидимый барьер, чего-то боялся. Может, это и правильно...

Спустя годы я узнала, что человеком он оказался слабым, не пробивным, пошел после школы на стройку, там запил. Так и не женившись ни на ком, он часто при встречах печально смотрел с досадой в мою сторону, а потом в 40 лет его просто не стало...

которого полгода назад призвали в армию, не выдержал первые испытания на мужество, дала о себе знать та злополучная авария и сотрясение мозга в детстве. Он служил в ракетных войсках на Эмбе. Первая стычка, сдали нервы, «нежный ребенок» потерял над собой контроль: просто оставил на посту свое оружие и ушел в пустыню куда глаза глядят, без воды, без еды.

По телеграмме отец срочно выезжает в часть. Как фронтовик он добивается полного обследования сына через военный госпиталь. После лечения брата комиссовали, дав инвалидность, и началась его «развеселая» жизнь.

Родители слишком желали ему добра, но, видать, перестарались, это его и сгубило...

С госпиталя братец вернулся очень смешной и толстый, чего я просто не ожидала, так как он никогда не был склонен к полноте. Через месяц он восстановил форму. А еще через некоторое время, всем на удивление, он вернулся в Северный Казахстан, где проходил лечение и познакомился с девушкой Джамилей. Возвратившись, он представил ее как невесту, обращаясь к ней забавно, шутливо и величаво – Матжанова Жамиля Салимовна.

Родители готовились отпраздновать свадьбу, хотя и

неофициально. Отец заколол бычка. А беспечный сынок и вовсе не задумывался о расходах. Просто решив жениться в 19 лет, поставил их перед фактом.

Через месяц после свадьбы Джамиле исполнилось 16 лет, она попросту еще играла вместе со мной иногда в куклы.

Старшая сестра Шолпан к тому времени работала в детсаде няней, туда устроилась и наша невестка. А избалованный братец тем временем стал проявлять свой характер: дурить, издеваться над несчастной девчушкой, у которой, кроме младшего брата, не было никого.

За небольшое время она ему просто поднадоела и, выгнав ее из дома, он угрожал выдворить несчастную вообще из города обратно к себе домой.

Джамиля была безобидной, кроткой, спокойной и хорошей девушкой, мы с ней быстро сдружились. Она никому не мешала, просто хотела остаться жить в нашем городке, сняла комнатку у бабушки недалеко от нас, работала и ни к кому не имела никаких претензий.

Но Нуртая такая позиция не устраивала, ему было просто в удовольствие поиздеваться над беззащитной девушкой, в конце концов он извел ее угрозами и вынудил вернуться в

свои края.

Провожали ее до поезда моя мама и сестра. На вокзале Джамиля очень сильно плакала и говорила: «Мама, я так не хочу уезжать...»

А мама тогда ответила, что хоть и не желает никому на свете зла, но Нуртаю отольются ее слезы, жизнь его накажет.

Пророчества сбылись, но об этом позже.

Поезд ушел. Сложилась ли судьба несчастной Джамили, мы не знаем, но всегда помнили о ней, желая ей добра и счастья...

После, уже совсем скоро, Нуртай неожиданно решил жениться на новой подруге – Шамсие Галиевой. Он часто приводил ее в дом, невестка мне казалась интересной и общительной, она была старше брата на три года. И вновь свадьба, затраты на плечах родителей. Мама добилась для молодых отдельное жилье, им бы жить да жить и все было бы замечательно.

Я с подругой не раз приходила к ним в гости и все-то мне там нравилось. Бабуля тоже иногда захаживала, а порой и жила у них. Но всему наступает конец, особенно у людей бес-

толковых и беспутных. Братец вновь стал дурить. Пьянство, скандалы вошли в привычку в его семейной жизни. Мы все воспринимали это очень болезненно. У Шуры, так мы называли Шамсию, состояние было критическим: не раз по вине брата приходилось вызывать скорую помощь. Но после известия о ее беременности он поутих, все ждали первенца.

Алия родилась недоношенной, весом 1,2 кг. После роддома, где ее продержали еще два месяца, забирали малышку весом уже в 1,8 кг. Мы все души не чаяли тогда от маленького чуда. И кто бы мог подумать, что дурные гены так отразятся на любимой всеми крохе, что когда-нибудь из нее вырастет монстр с дьявольским и нечеловеческим мышлением ...

...После летней подработки, бодрая и полная надежд, я села за парту с подругой Танюшкой. То был последний 10-й класс. Нас было шесть подруг, мы как-то легко сдружились меж собой с 7-го класса: Наташа с Леной, две Людмилы и я с Татьяной. Были общие интересы и взгляды.

Почему-то в память врезались высказывания Натальи Мо-

розовой, брошенные случайно в мой адрес, но показавшиеся для меня неприемлемыми. Она сказала тогда о будущем: «Вот вспомнишь, Галя, ты еще испортишься как только уедешь из дома, и даже курить будешь». Это меня несколько возмутило. Как же я тогда с ней спорила!

Немаловажный след в моей жизни оставила и Татьяна. Мне нравился их домашний быт, ее гостеприимная мама. Жили они вдвоем. Тетя Тася была очень порядочной женщиной. Мы часто гурьбой приходили к ним домой, а Танина мама всегда поила нас чаем, угощая домашним печеньем. В душе я немного завидовала им, огорчаясь, что моя мамуля не умела делать выпечку, даже блины, но в том ее вины не было, и это, конечно, мне хорошо было понятно. Танюшка росла и жила в строгости, училась почти отлично, превосходно рисовала и вязала. По окончании школы нас ненароком судьба сведет вновь через год на железнодорожном вокзале Усть-Каменогорска.

Последний школьный год как-то пролетел быстро, куча экзаменов – и вот долгожданный аттестат и выпускной.

Захожу к Наталье домой, она радуется покупкам – новое выпускное платье, белые туфли. А мои родители даже и не вспомнили про мой последний звонок.

Сажу на лавочке возле дома, слезы текут по щекам. Сегодня выпускной вечер, все придут красивые и нарядные, а мне нечего надеть. Сестре в свое время брали и бальное платье, и туфли, про меня же просто забыли, даже на словах никто не поздравил с окончанием школы.

Подходит Наталья и говорит: «Брось, плюнь на все, выпускной один раз в жизни, пошли как есть, а то потом будешь жалеть». Я подумала и пошла, надев зеленый костюм сестры и ее туфли. Было, конечно, не совсем хорошо, но на торжественной части вечера я все же присутствовала. А на застолье засиживаться не захотела, все казалось скучным и неинтересным, ребята были подвыпившими, я их не понимала и вообще мне это совсем не нравилось. Так закончилась моя школьная пора.

Впереди ждали неизведанные дороги, всевозможные открытия.

Я совершенно не была готова к новой жизни, не задумывалась всерьез о будущем, а тут вдруг встала перед фактом – что же дальше?

В уме перебираю разные варианты. Вдруг осенила мысль – пойти учиться на фотографа или киномеханика. Но, так не определившись, уехала в Усть-Каменогорск, поступив в

училище при КШТ на контролера качества готовой продукции и окончив его почти с отличием.

Но как прошел тот первый студенческий год вдали от дома! Да, права была Наталья. Студенткой я была положительной, даже выбрали в Совет общежития. Но по вечерам мы немного буянили, хотелось почувствовать себя взрослыми и самостоятельными.

Однокурсницы, практически без исключения, умели курить, мне это категорически не нравилось. И не то чтобы чувствовала я себя белой мышкой, а какой-то интерес взял надо мной верх. Девчата предложили – «Галка, попробуй», ну я и не устояла, втянулась, понимала, что это нехорошо, но остановиться не могла и не хотела.

Как-то со стипендии решили сложиться и «посидеть». Не имея никакого понятия о спиртном, я купила бог знает какое дешевое и, как оказалось, самое некачественное вино. Любопытство вновь взяло надо мной верх и, не дождавшись прихода девчат, живших в одной комнате со мной, решила начать снимать пробу самостоятельно, а к их приходу была уже изрядно подвыпившей и буйной. Смеху, радости и веселью не было предела. Я стала среди подруг чуть ли не авторитетом. Что было на следующий день – ну, конечно, стыд, самокритика, угрызения совести и головная боль.

... Началась производственная практика на комбинате. Таких огромных производственных помещений никогда ранее мне видеть не приходилось: много станков, шум. От пыли началась аллергия, что часто бывает на ткацких предприятиях. Очень чесалось лицо и нос, я стала призадумываться о другой работе.

Однажды, нарушив технику безопасности, неловким движением задела рычаг и уронила на себя металлический валик с тканью.

В результате металлическая спица, что соединяет концы материи, вонзилась глубоко в ногу. От неожиданности боли я не почувствовала и резко выдернула спицу. В ноге дыра, а крови нет, так, говорят, бывает при испуге. Первую помощь, естественно, никто не оказал, сказали – «и так пройдет». Я немного похромала, может, поверила в сказанное, но со временем действительно все прошло.

С девушками по комнате поначалу жили дружно и весело, по соседству сдружилась еще с сестрами-двойняшками Галей и Валею Чуриковыми, вечерами пели песни.

Как и большинство студентов, экономили на желудках, чтоб после купить что-то необходимое. Я предпочитала го-

готовить самостоятельно, так как питание соседок мне не нравилось. Все готовили на обычных плитах со спиралью кто во что горазд.

Как-то девчата поставили варить суп из пакетиков прямо на полу рядом с моим шкафчиком, куда я и полезла по необходимости в тот момент, а спрыгивая со стула, не удержавшись, упала на горящую плиту. Такую боль и шок испытать пришлось впервые. Из-за перевернувшейся плиты шнур сам выдернулся из розетки. Еще горящая спираль свалилась мне на ногу, а весь суп, кипящий и бурлящий, добавил остроты...

На дикий крик сбежались все однокурсницы, но, как и предполагалось, особой помощи мне никто не оказал, а мои соседки по комнате с сожалением смотрели лишь на опрокинутый обед, досадуя, что остались голодными. Им было плевать на нечеловеческую боль, было чуждо сострадание.

Со слезами, болью, обидой и огромными волдырями, перетянув ногу, я вновь продолжала жить и работать. Ожог заживал долго, кожа облезла, но с божьей помощью мне удалось пережить тот кошмар, очередную трагедию своей жизни.

Наконец поняв, что это все-таки не мое место, я решила вернуться домой. Близился день моего совершеннолетия.

Хотелось отметить его дома с близкими и друзьями.

К тому времени уже вернулся из армии средний брат, с которым у нас за прошедшие два года наконец-то наладились отношения (как мне это казалось). Я сама попробовала пойти ему навстречу еще тогда, в 10-м классе...

Были проводы его в армию. Он веселился с друзьями, меня к столу никто не пригласил. Было одиноко и грустно, я весь вечер не находила себе места.

Когда пришло со службы его письмо, я ответила ему первой, желая всего наилучшего. Он вроде как оценил, завязалась переписка. Иногда мне удавалось отправлять ему бандероли со сладостями, в ответ получая письма с благодарностью.

К дембелю приобрела для него хорошие туфли, потратив на них половину своей стипендии. Думала: ну вот, у меня есть надежный и хороший брат, которым я буду просто гордиться, к тому же он был просто красив и девочкам очень нравился.

А каково было наше всеобщее удивление, когда он поставил всех перед фактом, что женится на Катерине Кусаиновой, с которой они поддерживали связь и которая, как нам

тогда казалось, была совсем не пара ему.

...Третьего июля, в свой день рождения, я приехала домой вместе с подругой Дианой. С отцом до тех пор мы совершенно не общались. Мама готовила стол для гостей. Как раз вернулся из Приморья и долгожданный братец. Мы с Диной сидели в комнате, я представляла предстоящее веселье и меньше всего думала об отце. Предугадать его поступки невозможно. Вот уж стратег! Слышу, мама говорит ему: «Ты иди, поздравь ее», мол, попробуй. Но как-то вскользь услышав, не придав значения, я это не восприняла всерьез.

Просто сидим, беседуя с Дианой. Вдруг совсем неожиданно рядом появляется отец, потихоньку встает на колени и со слезами на глазах произносит: «Дочка, с днем рождения!» Мне не очень приятна была эта сцена, а у подруги глаза на выкат. За годы молчания я впервые выдавила из себя слово – «спасибо». Отец ушел к себе, радостный и счастливый. А я как-то вздохнула по-другому, но отцом так и не могла его больше называть, он на долгие годы оставался для меня просто Павлом Степановичем. Отец и этому был очень рад, воспринимая происходящее как должное.

Сам день рождения прошел обыденно и неинтересно. Амантай, не оправдав наши надежды, напился до «поросычьего визга» и большего ему от жизни ничего не было нуж-

но. Я, конечно, была в шоке, очень досадовала, угасала вера в человека.

По возвращению в Усть-Каменогорск, все взвесив и обдумав, мне окончательно захотелось вернуться домой. В то время бабуля жила вместе с нами. Она-то и предложила тогда поехать в Барнаул, уж очень ей хотелось почему-то познакомиться меня со всеми своими родственниками, может, в действительности обладала даром предвидения. В детстве бабушка много рассказывала обо всем и обо всех, что мне, конечно, пригодилось в жизни. Именно поэтому, в отличие от братьев и сестры, я в какой-то мере знала нашу родословную.

Заканчивался август 1979 года. Нам с бабулей предстояла пересадка в Усть-Каменогорске, надо было часа четыре ждать поезд. Там я и встретила свою одноклассницу Татьяшку. Отойдя в сторону, мы стали общаться. Она усиленно звала меня с собой учиться на Дальний Восток в Находку с дальнейшей перспективой заграничного плавания. Я категорически отказывалась, хотя в душу закралась мысль – это мое! Но почему-то не верилось Татьяне, да и бабуля нервничала, обижаясь на меня и отворачиваясь. Прикупив сладости

и беляши, я вернулась к бабушке, а та даже и разговаривать не хотела, так ей не понравилась Татьяна.

Подошел поезд, мы поехали в Барнаул и наши пути-дороги с бывшей одноклассницей практически разошлись. Бабуля моя немного оттаяла. Ей казалось, что она выводила меня в свет. Я благодарна ей за все. Но тогда мне это было не понятным, до меня совсем не доходило, что бабушка уже слишком стара, ей одиноко, хочется внимания и общения. А я во время учебы по приезду домой лишь иногда могла перекинуться с ней несколькими словами, угостить мало-мальски и дать по необходимости денег. Но как же она этому немногому радовалась! Как мало человеку надо для счастья – только чуточку внимания, которого ей дома, кроме меня, практически никто и не уделял.

Барнаул, серый и мрачный, как-то сразу мне не понравился. Дядя Коля, средний сын бабушки, жил неподалеку от вокзала, и мы, не раздумывая, пошли к нему. Дома застали только его жену Раису, женщину невоспитанную, скандальную и сильно пьющую, как мне показалось на тот момент. Встретила она нас не очень радушно. В их жилище было грязно и неуютно. Старший сын Файзулла (Павел) отбывал срок по собственной глупости, взяв по малолетству чужую вину на себя. Дома были еще два сына – средний Наиль и Юра. Младший был спокойным мальчиком, а Наиль казался

очень нервным и несчастным, и было почему! Постоянные нервные трепки, пьющие родители оказали влияние на его сознание и развитие. Хотя сами по себе мальчики были вовсе не ветреными, а вполне нормальными и жаждущими внимания и достатка.

Меня несколько удивил и огорчил их быт: детям на ужин мать сварила целое ведро компота из собранных в саду ранеток, впрочем, неухоженный участок ничем не радовал. Сами же родители на вечер себе купили сетку вина, бутылок восемь. Мы с бабушкой кое-как провели кошмарную ночь. Тетя Рая, выпив, много кричала, била себя в грудь, доказывая, что она Семенова, крещеная татарка – и так всю ночь. Дядя Коля, напившись, просто молчал, а Наиль очень нервничал, умоляя мать замолчать, заткнуться, от безысходности кидаюсь на нее с кулачками, обзывая пьяной дурой. Но остановить ее было совершенно невозможно.

В свое время мой отец с братом существенно роднились, вместе работали. Но вот как-то разошлись их пути-дороги. Отец изредка приезжал в Барнаул, иногда навещая их семью, несмотря на то что по жизни они были не очень гостеприимными. А наш родитель был человеком прямым – что на уме, то и на языке. Да еще почему-то дядя Коля вдруг приревновал к брату свою жену. Отец как-то по приезду из Барнаула возмутился: «Да было бы к кому ревновать – грязная, обо-

рванная женщина, да еще в три раза больше меня, ой, боже упаси!»»

Лишь спустя много лет дядя придет к нам в Серебрянск, уже на могилу к старшему брату, вместе со своими взрослыми сыновьями бросит горсть земли и навзрыд попросит прощения...

...На следующее утро мы с бабулей уходили к другим родственникам, в квартиру, полученную когда-то моим отцом, в которой на тот момент проживали сестра бабушки с супругом и детьми.

Я гуляла, знакомясь с городом и ничего-то там мне не нравилось. Моя бабуля очень переживала от того, что мне все неинтересно, обижалась на своих родственников, что по обычаю ее любимой внучке не подарили никакого платья.

Уходя от них через недельку, плакала, говорила, что ее сыновья слишком много сделали и помогли им, а те плохо встретили, обозвала их жадными татарами, тем самым рассмешив меня. А я ей ответила: «Бабуля, так ты же сама татарка». Но тут она возразила: «Нет, я казаЧка». Я снова от души захохотала, а она продолжила: «Раз у меня муж был казах, значит и я такая же».

...Какое было мое удивление, когда через много лет, в 1996 году, работая в паспортном столе при ОВД, я вдруг обнаружила карточку покойной бабушки. Ушла из жизни она весной 1994 года, ну а в графе данных с указанием национальности с ее слов было написано – казашка. Я понимала. Душой она всегда была больше с нашей семьей, семьей своего старшего сына...

...Еще несколько дней мы вновь гостили у дяди Коли, так как билет на обратную дорогу я сразу не смогла купить. Ну а бабушка решила еще ненадолго задержаться, погостив у сына.

По осени прошла как-то стихийно свадьба Амантая с Катериной.

В день свадьбы скончался старший брат Кати, так что сразу после застолья ранним утром молодожены уехали на похороны. Тогда многие говорили, что жизнь у них не будет счастливой и удачной.

Молодые жили в отдельной комнате, а Амантай все «усерднее» выпивал.

Бабушка вернулась из Барнаула, жила тихо, скромно и спокойно.

Я поступила на работу в детсад няней, неоднократно возвращаясь к мысли о Дальнем Востоке. Написала письмо Татьяне. Та ответила, как ей там изумительно хорошо, но на мои конкретные вопросы давала уклончивые ответы. Мне оставалось только самостоятельно сходить в городскую библиотеку, взять справочник и уточнить все интересующие меня вопросы. После этого, сделав запрос в Находку и получив соответствующую информацию, я начала откладывать средства на дорогу в новое неизвестное. Работала по 12 часов, с 7 утра до 7 вечера, питание для работников было неплохим и недорогим, так что за девять месяцев работы мне удалось скопить приличную сумму, ну а летом следующего года я поставила маму перед фактом, что купила билет и уезжаю в Приморский край. Взволнованная мамуля, конечно, сильно переживала, но знала, что отговаривать бесшабашную дочь бесполезно. Проводив меня до вокзала, долго плакала, глядя вслед уходящему поезду, желая мне счастья: просто она верила, что все будет хорошо.

Долгие девять дней в пути с постоянными пересадками меня очень утомили. Я скучала по маленькой Алие, к которой тогда сильно привязалась. Я любила ее, нянчилась, играла, дарила игрушки. Но отношения ее родителей основательно ухудшались. А у Амантая с Катериной по весне появилась первая дочь – Галия.

Приморье для меня было загадкой, очень красивый, дивный, милый край.

Приехав в Находку, я сразу попыталась найти Татьяну, но сильно огорчилась, узнав о ее беде...

В комнате общежития, куда нас поселили, кроме меня жили еще четыре девчонки, которые по сей день в моей памяти: часто вспоминаю наши студенческие забавные деньки с улыбкой на губах. Ох, уж и озорными мы были по тем временам.

Танюша Устюгова приехала учиться на повара из далекого Кызыла, тогда ей было 20 лет. Человеком она была безвредным, но глубоко рассеянным и немного глуповатым, как нам тогда казалось. Жизнь ее сложилась не совсем удачно. Закончив мореходку с горем пополам, она пошла в местную столовую мойщицей посуды, потому как сама понимала, что на большее не тянула. После случайной связи с очередным партнером ей пришлось покинуть Находку, вернувшись в Томск к своей единственной сестре, где она и родилась.

ла сына. Какое-то время мы с ней еще поддерживали переписку, но все как-то вдруг оборвалось. И через много лет, попав в Томск по стечению обстоятельств, я буду пытаться найти там Татьяну, чтобы встретиться, пообщаться. Но следы ее бесследно исчезли.

Наталья Гнилицкая была родом из Калмыкии, очень забавная, добросердечная, но с характером слегка взвинченным. Она одной из первых произвела на меня впечатление весьма положительное, одним словом, мы как-то разом сдружились.

Перед началом занятий всех будущих студентов направили отрабатывать на колхозные поля, помогать собирать картошку. Целый месяц мы жили в бараках, вкалывали с раннего утра до позднего вечера в полном смысле слова. Ну а после работы уставшие, но счастливые взбирались на сопку, пели песни или просто общались с малочисленным местным населением. Рядом находилась войсковая часть, откуда ребята почти каждый вечер умудрялись наведываться в наше временное поселение. Были забавные дивные вечера. Вокруг – неописуемо красивые места.

Как-то, наслушавшись от девчат о ряде моих достоинств, к лагерю подошел паренек и, как передали мне, очень жаждущий познакомиться. Я поступила, конечно же, совсем

некрасиво, пройдя мимо, не ответив ни на один вопрос и вообще не взглянув в его сторону, просто проигнорировав, будто человека нет вообще.

Сейчас это можно объяснить всего лишь стеснительностью и неподготовленностью, недостаточным воспитанием и глупостью. Алик, как звали того служивого паренька, был первым обиженным мною человеком.

Ты прости меня, дорогой, прости за высокомерность и невежливость, жаль, что осознание поступка бывает запоздалым.

Ну а с Натальей мы как-то запросто могли понимать друг друга почти с полуслова. В то же время каждая по-своему была своенравна и заносчива, что, собственно, и послужило нам обеим только во вред. Незаметно наша дружба перешла почти в откровенную вражду, отчего мы, в общем-то, обе немного страдали, понимая, что взаимно неправы.

Еще пройдет немало времени, пока нас вновь не сдружит на этот раз несчастье, постигшее другую Наталью, тоже жившую вместе с нами в одной комнате. Ее мы как-то от души называли цыганочкой, ведь она в действительности была слишком похожа внешностью и манерами на цыганку, а родом была из Иркутска. В Находку Наташа приехала вме-

сте со своей закадычной подружкой Валюшкой, человеком незаурядным, беспокойным и с весьма вольным характером.

Наша «цыганочка» была по жизни веселой и жизнерадостной, со временем нам с ней предстоит очень сдружиться...

По окончании полевых работ мы приступили с усилием к занятиям. Жизнь в общаге оказалась очень жестких правил – строгая самоподготовка по вечерам, по утрам обязательная зарядка, режим, дежурство – вплоть до того, что приходилось драить сортиры. После десяти вечера – строгий отбой и частые проверки строгого замполита, короче, почти военная дисциплина.

Совершенно от посторонних людей я узнала о своей однокласснице Татьяне, очень сочувствовала ее несчастью, не хотела верить услышанному. Мне казалось, она очень строгих правил и ее ничто не изменит, но я ошибалась...

Приехав в Приморье, Таня почувствовала волю, так не хватавшую ей там, дома. А здесь вдали, оторвавшись от материнских забот и хлопот, она начала, что называется, отрываться по полной программе: вела беспорядочную связь, забросила учебу, ушла жить к местному пареньку, а незадолго до моего приезда в Находку Танюша показала своему спутнику свой нрав и характер, заявив, что уходит к его

другу. Ревности не было предела. Взяв топор, ее неформальный супруг стал наносить ей удары. Таня закрывалась как могла, остановить разъяренного мужчину было невозможно, она кричала и звала на помощь. После двух-трех нанесенных вскользь ударов по голове озлобленный партнер отсек Тане кисть правой руки. Что было потом, мне точно не известно, но та трагедия сыграла огромную роль в судьбе несчастной школьной подруги. Паренька, конечно же, осудили. А Татьяна, познавшей стыд и унижение, не хотелось возвращаться обратно домой к матери.

В течение года мы изредка случайно встречались с ней, мне было жаль смотреть на ее беспомощность, немного неопрятный вид. Как-то встретившись в очередной раз, я пригласила ее в кино на наш излюбленный в детстве индийский фильм. После практических занятий у меня было полно всяких вкусностей, чем я и угощала подругу детства. Она ни от чего не отказывалась. Затем со временем разошлись наши пути-дороги и интересы.

По своей глупости я сообщила о ее проблемах своей старшей снохе Шуре и брату, жившим по соседству с матерью Татьяны. Бедная женщина еле пережила такой удар и еще долгие годы не могла смотреть в мою сторону: ей казалось, что я – причина большого несчастья. Но со временем все расставится по своим местам и мы еще долгие годы будем

общаться с тетей Таисией, сетовать, вспоминать и мечтать. Но это все потом, а впереди пока всех нас ждут огромные перемены, тяжелые испытания и очень-очень много интересного, объяснимого и необъяснимого...

Ну вот и долгожданная весна, большая практика в пионерском лагере на берегу моря, а после – экзамены. К тому времени мы всей группой основательно сдружились, сменилась наша мастер производственного обучения, всеми уважаемая и приятная личность, с ней было весело, интересно и прикольно. Надежда Ивановна, как звали ее, как-то сразу отметив мои качества, впоследствии даст отличную характеристику, порекомендовав меня в ДВ пароходстве.

Однажды мы всей группой собрались в поход, пешком за несколько километров от города к морю. Сколько было перепето веселых песен и частушек, а как задорно мы жарили на костре сосиски – по сей день с удовольствием вспоминается тот озорной выход на природу!

Уже после этого неоднократно вместе с девушками мы знакомились с окрестностями края по разные стороны Находки – в голове полно романтики, риска. Просто уходили куда-то очень далеко, веселились, пели, иногда встречали восторженных путников, на берегу моря могли приложиться к стопке-другой, появлялся необъяснимый интерес.

Как-то собравшись в очередной раз и изрядно «поднабравшись», мы с сокурсницей Светланой Лысенко решили сократить путь в безлюдном месте через сопки. Преодолев какое-то расстояние, вдруг почувствовали тревогу на душе, хотя сами были пьяны, бодры и веселы. Предчувствие не обмануло: прямо перед нами открылась жуткая картина – мы наткнулись на половину только что обглоданной, еще свежей туши (возможно, тигр задравший лошадь, просто был сыт). Боже, и куда только подевался весь хмель? Я, наверное впервые за все годы, точно сдала нормы ГТО: бежала, опередив подругу, через сопку со скоростью света, с учетом того, что в горах сие занятие сделать было куда проще. Ноги то и дело проваливались сквозь толщу листьев, но мы сделали это! Очнувшись и присев, перевели дух у первых окраинных домов города. И только тогда осознали и обрадовались, что нас самих не съела «киска»: мы пели, плакали и смеялись.

А впереди пионерский лагерь – огромная работа, ответственность. Нашу группу разделили на две. Одни уехали под Владивосток, нас всей комнатой направили в «Лебединое озеро» рядом с Находкой.

Работали с раннего утра и до позднего вечера. Меня все чаще ставили на более ответственную работу – бригадиром, так как было видно, что от других толку не будет никакого,

а кормить предстоит до 400 детей.

Вечерами и в свободное время мы сидели на берегу, иногда покуривая сигареты с ментолом, обязательно пели, купались и загорали.

Рядом с лагерем находилась войсковая ракетная часть. Ребята каждый вечер спускались с сопок к нам в гости. Кто-то нашел там и свою судьбу...

Подруга Гуля Ишимбаева встречалась с Володей Алисовым и, как я узнаю позднее, они уедут вместе к нему на родину, после появится дочь Владислава и у них будет счастливая крепкая семья.

Валентина с Натальей-цыганочкой за время практики успеют сильно повздорить, так как Валя любила, как и обычно, общество мужчин, а Наташа ее просто по-дружески ревновала. Из-за этой причины мы с Натальей в то время сильно сдружились. В свободное время проходили много километров: до остановки, чтоб съездить в Находку; пройтись по магазинам, сходить на почту, в кино. А вечерами в тишине любили по пустынным дорогам делать пробежки, любуясь красотой ночного звездного дивного края.

Однажды в лагере вдруг появилась мама Натальи из Ир-

кутска. Это теперь я знаю, что не вдруг. Человеком она была не старым, но, видать, предчувствовала свою кончину, вот и приехала якобы просто навестить свою дочь, на деле, конечно же, попрощаться. Пробыв несколько дней в одном с нами бараке на 20 человек, она собиралась в обратную дорогу. Мы с Наташей пошли провожать ее до станции Угольная. До отправки поезда оставалось время и нам предстояло целый день развлекаться, знакомясь с Владивостоком, от которого все были в полнейшем восторге. Построенный среди сопок, он блистал старинными живописными зданиями и постройками, очень понравилась набережная с многообразием кораблей, патрули, чистота и порядок закрытого города. Нагулявшись за целый день, уставшие, мы пошли на морской вокзал ждать утреннего поезда. Проводив маму Наташи, вновь поехали в свой лагерь через Находку, от усталости я просто засыпала на ходу. А на следующий день была наша смена. Но девчата не подкачали, подменяя нас безо всяких разговоров.

Как-то в один из вечеров, точно так же как и в предыдущий раз, будучи наслышанным о моих достоинствах (а для девчат я представлялась человеком интересным, общительным и незаурядным), к нам пришел служивый паренек с намерениями серьезного знакомства, родом он был с Кавказа. Выйти к нему на встречу, наверно, не хватило храбрости. Я избегала любых встреч, сама не зная почему. Наверное, на

тот момент все-таки где-то внутри было чувство трусости, нерешительности.

И до сих пор, называя себя частенько заядлым раком, думаю, что причиной тому был мой очень сложный характер.

Вот уже середина лета, скоро закончится второй сезон в лагере, нам всем пора сдавать заключительные экзамены, что, собственно, для меня было не проблемой. Тогда я считала свою профессию не призванием, а так, мол, в жизни пригодится, просто надеялась и мечтала повидать моря-океаны. Скорее всего, это была просто моя судьба.

По окончании работ в пионерском лагере мы все по осени встретились в своей общаге, но расселяли нас как второкурсников кого куда. Жили, как солдаты в окопах: много суеты, забот, неизвестность, неуверенность в завтрашнем дне. Учеба мне давалась легко в отличие от других, которые почти ничего не понимали в кулинарии, организации и оборудовании и очень страдали от этого. Я готовилась к долгожданным зимним каникулам, собираясь съездить домой, в свой любимый городок.

В один из вечеров к нам в комнату вошла комендант, как все ее звали Марго.

Взглянув печально в сторону Натальи, она ошарашила всех протянутой телеграммой. Мамы нашей Наташи-цыганочки больше не было, следовало как-то ей помочь, поддержать. Вот тогда-то безоговорочно, без слов, словно смирила нас чужая беда, находившиеся еще в ссоре я и Наталья из Элисты, просто взглянув друг другу в глаза, словно ничего-то и не было, никакой ссоры, просто собрались и поехали проводить свою горемычную подругу до аэропорта. Сначала ночь в общем вагоне, затем утомительный день в ожидании билета, слезы и отчаяние цыганочки. Проводив Наталью, вернулись обратно в училище, где нас обеих лишили частично стипендии за один день прогула...

Чужая беда никого не интересовала.

Прошло еще немного времени, и все мы разлетелись кто куда. Авиабилет в те времена было достать трудновато, но вот как-то именно из Владивостока я всегда запросто могла улететь до Новосибирска. Впервые сев в самолет, мне понравилось ощущение полета, хотя было страшновато. Я больше года не была дома, очень скучала по всем и всему.

По приезду в Серебрянск вместе с сестрой вечерами ходили в гости к ее подругам Вале и Оле в общежитие. Там очень весело и забавно проводили время. Как-то пошли в больницу навестить их знакомых ребят, служивших в местной вой-

сковой части. Одного из них я сразу заприметила. Родом он был из Дагестана, звали его Абдурахман. Парень он был веселый, сразу смело и решительно подошел ко мне, пытаюсь установить контакт, завязался разговор. Чуть смущаясь, я, как и обычно, почти замкнулась в себе, лишь изредка молча улыбалась, хотя понимала, что этот человек мне симпатичен, но какая-то сила словно удерживала меня. Наступала та самая пора ломать барьер своих непонятных опасений.

Незаметно пролетели каникулы.

Шура и Нуртай к тому времени уже разошлись, а я с удовольствием навещала маленькую Алию. У Амантая с Катериной родился второй ребенок – сын Тулеген. Оба моих брата постепенно спивались.

Как и всегда, провожать меня до поезда пошли мама и сестра. Вот тогда-то я впервые, переступив свои страхи, сделала первый решительный шаг, написав письмо Абдурахману, которое передала через Шолпан. Так завязалась переписка, обмен фотографиями, желанный интерес. До Владивостока я доехала слишком уставшая и грязная, оставалось сделать последнюю пересадку до Находки. Сдав вещи в камеру хранения, решила немного привести себя в порядок. Зайдя в туалет, лицом к лицу встретилась с Наташей-цыганочкой, недавно похоронившей свою мать. Мы обнялись как два са-

МЫХ близких человека, потом вместе ехали поездом, общаясь всю ночь.

По приезду в училище и окончанию формальностей в документах нас вновь направили во Владивосток, в ДВ пароходство, для дальнейшего распределения. Я заранее знала, что виза мне уже почти открыта, в отличие от других, ждавших ее годами, тогда это было сложной задачей. Мы все попали к разным инспекторам и по разным направлениям, практически теряя связь друг с другом. Меня в тот же день направили в Находку на судоремонтный завод, на т/х В. Мордвинов. Помирая от страха, я очень боялась подняться по трапу на первый в моей жизни сухогруз. Но с коллективом сдружилась быстро, появился азарт и интерес к чему-то неизведанному, что называется романтикой и мечтой.

Там, на судне, сдружилась с Ольгой Эмрих, тоже практиканткой, но другого профиля, она обучалась на бортпроводницу, могла, одним словом, работать от дневальной и уборщицы до буфетной. Вечерами к нам в каюту заходили ребята, мы весело проводили время за анекдотами, песнями и болтовней.

Вскоре я обратила внимание на паренька из Казахстана, звали его Александром. В коллективе его недолюбливали, но мне он нравился и мы запросто общались. Постепенно это

стало входить в привычку и затягивать, вечер без ребят казался скучным.

Стихийные отношения Ольги с ее дружкой Игорем перешли в небольшой роман.

Я впервые в свои двадцать лет испытала страстный поцелуй Шурика, который, впрочем, и запомнился навсегда. Но на этом наши отношения оборвались, так как ровно через месяц меня вызвали вновь в пароходство, направляя на т/х С. Есенин.

Там мне не совсем нравилось, все казалось каким-то чуждым. Но я работала, училась, набирая опыт, и в течение месяца уже получила паспорт моряка. Радости не было предела. Дорога в загранку была открыта. В то же время меня незамедлительно направили в первый рейс, на теплоход «Пионерская правда».

Я в душе побаивалась всех и всего, ничему не веря, прислушивалась и присматривалась. В первый же день судно пошло на Сахалин, в порт Корсаков, где грузилось несколько дней.

В свободное время мы бродили по городу с непривычным для меня климатом. Ветра буквально сдували и сбивали с

ног. Жизнь на острове мне показалась неинтересной: пустые прилавки, блат. А я, как и всегда, любила ходить в кино. Тогда шел впервые показ фильма «Мужики», от которого все были просто в восторге.

На «Пионерской правде» сдружилась с поваром, Светланой Курносовой, которая тоже немало научила в делах кулинарии, хотя по возрасту мы были ровесниками, но у нее за плечами была не первая практика на судах. Человеком она была безвредным, но по природе своей вспыльчивой и очень нервной, могла не в настроении запросто швырнуть ногой любую кастрюлю и бог знает что еще.

Мне в моей ситуации приходилось просто подстраиваться под каждый характер, чтоб как-то пробиться и продержаться, зарекомендовав лучшие морские качества.

Иногда проводили вечера в общении с другом, в полном смысле слова, Олегом Владленовичем Пшенниковым, вторым помощником капитана. То был очень порядочный, воспитанный, интересный и весьма привлекательный джентльмен, одним словом, дамский угодник. Его обожали все девчата экипажа. С ним было очень интересно общаться, и мы знали: в трудную минуту на него всегда можно положиться.

После Корсакова нас направили в Северную Корею. Я

впервые увидела и ощутила всю суть загадочного мне моря, восторгу и впечатлениям не было предела. Очень нравились и запомнились живописно-сказочные берега Кореи.

14

В один из дней нас пригласили на природу. Мужчины занимались шашлыками, не допуская нас к столь ответственному искусству. Но мы и сами-то не горели желанием, просто хотелось отдохнуть, взглянуть хоть одним глазом: а как живут-то другие? Моему любопытству не было предела.

Я бродила по удивительно чистому лесу, восторгаясь трудолюбием корейского народа. Неподалеку от леса на многие километры пролегали поля, на которых работали все, от мала до велика, с большим упорством, оптимизмом и ответственностью. Да, нам бы у них поучиться! Черно-зеленые полосы были видны насколько хватит глаз – все чисто, ни одной травинки!

Неожиданно я наткнулась на молодежный отряд, который играл в какую-то странную игру, очень похожую на нашу «Зарницу» из детства. Смотреть на них было забавно и интересно. Но они немного не комфортно чувствовали себя в мо-

ем присутствии, поэтому старались избегать и не попадаться на глаза.

Вечером нас пригласили в интерклуб. Для меня это было новинкой: довольно уютное помещение, легкая музыка и в основном показ по телевидению здравствующего тогда Ким Ир Сена. Наши ребята долго и много пили пиво, ну а мы с девчатами просто присутствовали, грызя орешки, пили какой-то сладкий напиток и просто радовались жизни. За столом кто-то из комсостава пошутил с корейскими друзьями в мой адрес, что, мол, я кореянка. После чего симпатия и уважение к нашему составу увеличилось, как нам показалось. Было, конечно же, смешно и забавно.

Из Кореи нас направили в Индию, моему счастью не было предела: сбылась детская мечта, я боялась что-то лишнее сказать вслух, сглазить. Ну хоть глазком глянуть на зовущую меня мечту. Во время перехода постепенно менялся климат. Я быстро привыкала ко всему. В свободное время часами стояла на верхней палубе, наслаждаясь красотой неописуемого и столь полюбившегося мне моря, дуновением легкого морского ветерка, той незабываемой сказкой.

И, как часто, порой я тоскую и мечтаю вновь вернуться туда хоть на мгновение.

Да, тогда я была поистине очень довольна и счастлива.

В Бомбее нас возили на экскурсию по городу, водили в кино и океанариум. Было все незабываемо интересным. Жаль, что тогда не было возможности вот так запросто, как сейчас, что-либо снять на видео, запечатлеть все важные в жизни моменты.

В Гоа мы загружали цемент, стояли долго, времени свободного было много. Я ежедневно ходила, порой одна, через обжитые людьми джунгли на пляж: то был просто красивый песчаный берег океана, где мы купались и загорали. Плавать я не умела, поэтому просто барахталась в воде и пищала от удовольствия. Мы с интересом изучали местный быт, старую крепость, ветхие постройки, блеск и нищету доселе не известной мне Индии. В магазинах на положенную нам валюту взять было практически нечего. Я покупала лишь открытки на память, агатовые бусы и заколки для волос. От жары очень много хотелось пить, кока-колой не напивались, а мороженое индусы тогда делать не научились; хотя в Бомбей стекались люди со всего света, оно там было лишь жалким подобием. Купив однажды, мы его практически не успели съесть – слегка охлажденная смесь за мгновения вытекла из рук. Но одно то, что сбылась моя мечта и я побывала в загадочной стране, вознесло меня на вершину счастья, хотелось поделиться радостью с близкими и друзьями.

Переписка с Абдурахманом не прекращалась. Поделившись своими впечатлениями, я с нетерпением ждала от него ответа и чувств, но сын гор был чем-то озадачен и ущемлен, это чувствовалось с первых строк его письма. Он писал как бы в укор, мол, если ты и видела красоту различных стран, то я видел зарево боевой ракеты и это тоже неопишное зрелище. Видит Бог, не имея на душе никакого умысла как-то обидеть его, а лишь просто поделиться радостью, я в свою очередь сама оказалась обиженной. Абдурахман просто прервал со мной переписку, не отвечал на письма, я была подавлена.

И лишь только мама, как мне казалось, понимала все мои эмоции, необычайно радуясь за меня и молясь в душе.

Из Гоа нас вновь направили в Корею. Путь лежал через Сингапур, город-капиталист, город-спекулянт, и государство, от которого я также обалдевала на каждом шагу. Там была неопишимо красивая природа, огромные небоскребы изящной архитектуры, множество джонок на воде, много разных людей, разнообразие лавок. И это все мне очень и очень нравилось. Мы бегали от магазина к магазину, глаза разбегались от изобилия различных вещей и низких цен, хотелось успеть все посмотреть и запомнить. Где-то в душе даже была зависть, что люди живут намного ин-

тереснее нас. Наконец, очень уставшие и обессилившие мы ждали на причале прихода транспорта, который должен был доставить нас к судну. Неподалеку стояли китайцы, японцы, малайцы, бойко споря по поводу моего происхождения, что было видно и понятно невооруженным глазом. В те годы для них, видимо, было дико увидеть среди советского экипажа похожую на них девчонку. Один утверждал: «малай», другой спорил: «джяпан»... А наши ребята шутили: «Смотри, Гульжан, насчет тебя спорят, малайка ты, японка или корейнка».

Позади Индия, Сингапур, Корея. Впереди таможня, три часа ночи, 3 июля, Владивосток. Мне исполнился 21 год. По радио в мою честь играла музыка стараниями наших радистов. Вечером в кругу друзей мы немного посидели в моей каюте, отмечая важное для меня событие. Тогда за столом один из ребят, Толик Никитин, заострил внимание, мол, ну вот, Гульжан, теперь жизнь твоя полетит, как мгновение, не успеешь и оглянуться.

Через какое-то время Светлана Курносова уехала в отпуск, домой в Феодосию. Я осталась за повара, днем готовила на весь экипаж, вечерами общалась с двумя Олегами. Иногда на судно приходила в гости Наталья-цыганочка, с которой мы вновь случайно встретились.

Как оказалось, на тот момент у нее и Валентины Шевчен-

ко была общая и неразделенная любовь – смазливый парень, знающий себе цену, берущий от жизни все. Наталья была уже беременной, списалась со своего судна. Не зная, как ей поступить в данной ситуации, просила моего совета. Но что я могла ей тогда подсказать, еще не познавшая близких и откровенных отношений, сама проявляя интерес через Наталью к сокровенным тайнствам и секретам, а она, как старшая подруга, пыталась как-то объяснить и научить. В те времена считалось неприличным объяснять что-либо подобное в школе, выспрашивать у родителей – вообще табу, познавательные программы, передачи и издания запрещены. Провоз из-за рубежа определенной литературы и иллюстраций преследовался по закону. Наташа объясняла, как следует красиво, правильно и привлекательно вести себя в определенной ситуации. Я слушала и вникала, воспринимая все очень и очень всерьез.

Вспоминаю, как в один из зимних вечеров, будучи еще учащимся, я с Наташей и еще другими девчатами решили сходить в кафе. Мы стояли на остановке в ожидании автобуса, когда подошли ребята, курсанты местной мореходки. Один из парней, родом с Украины, подошел ко мне с искренним желанием познакомиться. В глазах его горел доброжелательный огонек. Но я и в этот раз повела себя очень грубо и нетактично, чем, конечно, обидела его. Именно тогда Наталья Велисевич, первая и единственная в моей жизни, об-

ратила внимание на мое неправильное поведение, объясняя, что он тоже человек и ничего плохого не сделал, что мне следует проще и вежливей обходиться с людьми.

Спасибо тебе, дорогая подруга, спасибо за все те уроки и подсказки!

Тот вечер был отлично проведен в кафе, играла приятная музыка, мы пили шампанское, танцевали и веселились. А ребят-морячков, все же потянувшихся за нами, туда не запустили, так как вошедший патруль попросил их просто покинуть заведение...

...Некоторое время Наташа со своей проблемой находилась у меня в каюте, пока наше судно стояло на берегу. Я жила повседневной жизнью, готовила различные вкусности, вечерами гуляла по Владивостоку.

В один из вечеров, проходя мимо открытой двери каюты старпома Александра, я обратила внимание на находившегося там гостя, на вид лет сорока. В тот же вечер ко мне зашла в гости бывшая сокурсница Раиса. Мы даже с ней тол-

ком не успели пообщаться, как в мою дверь постучали. Чиф вежливо пригласил нас в свою каюту.

Глупые и бестолковые, мы восприняли это как должное, на душе было весело.

На столе у старпома стояло спиртное и легкая закуска. Он представил нам своего товарища, старательно пытаюсь ухаживать за Раисой. Ну, а Иван оказался человеком грубым и невоспитанным. Было видно, он брал от жизни все, что хотел, не было предела его наглости и хамским намекам на неизбежную связь. Я, чувствуя неладное, пыталась прервать знакомство и вечер, ссылаясь на усталость и предстоящий трудовой день. Самолюбие гостя было задето.

На следующий день, подзабыв о прошедшем вечере, я сидела уставшая после работы в своей каюте. Считалось нормой, что экипаж – это одна семья, никто не посмеет обидеть. Открылась дверь, на пороге Иван. Он прошел без приглашения и резко опустился рядом со мной на диван, давая волю своим рукам. Это совсем мне не нравилось, я попросила его удалиться. Но грубый и неотесанный мужлан, не привыкший к отказу, стал жестко выражаться, выкинув фразу: «Сказал трахну, значит трахну...», только на более грубом жаргоне. Мне неприятен был и он, и его речь, и манеры. Рванув, я выскочила из каюты, оставляя нерадивого поклонника одного.

Спустилась на нижнюю палубу к артельщику Серову Олегу, с которым была в товарищеских отношениях. Он был порядочным пареньком, но на тот момент находился в компании своей подруги Натальи. Я не хотела им мешать, поэтому поспешила за помощью к Олегу Пшенникову, дав понять ему наспех о неладном. Олег был глубоко понятливым человеком и, успокоив меня, оставил в своей каюте, а сам как порядочный мужчина ушел разряжать обстановку. Возвратился он с улыбкой, тихо посмеиваясь, такой добрый и приветливый, олицетворяя нежность и уют. Я слушала его с изумленными глазами, а он, еле сдерживая смех, пытался рассказать увиденное.

Оказывается, что как только я постучала в его дверь, в тот же самый момент Олег Серов был уже у дверей моей каюты. Пареньком он был крепким, собственно, и Иван был тоже человеком далеко не мелким. Подошедшему Олегу Владленовичу предстала следующая картина: артельщик Олежка, взяв за грудки непрошеного гостя, выкинул очень ловко того за дверь. В ответ «поверженный» пригрозил ему, что, мол, ты не знаешь, с кем связываешься, на что Олег грубо ответил: «Да будь ты хоть министром обороны!» На том инцидент был исчерпан, Иван навсегда забыл дорогу ко мне. А Олег Владленович через некоторое время проводил меня до каюты.

Они оба, два Олега, навсегда остались в моей памяти, вызывая теплые воспоминания...

Близилось к концу лето, я собиралась в отпуск домой, прихватывая с собой заморские вещицы в подарок близким.

Родители были очень рады моему приезду. А я душой уже рвалась обратно, к зовущему и любимому моему сердцу морю. Но приехав домой, как раз подоспела на свадьбу своей сестры. Теперь в доме было тесновато. Небольшую комнату занимал средний брат со своей семьей. Родители жили в прихожей, которая одновременно была и кухней и гостиной. Большую комнату, как бы напополам, делили мы с сестрой, но так как я теперь бывала дома редко, то сестра полностью чувствовала там себя хозяйкой.

Бабушка к тому времени уже с нами не жила. В одну из зим от безысходности, чувствуя себя лишней и ненужной, она покинула наши края. В свои девяносто с лишним лет она своим ходом отправилась на Украину к дочери. Отец, конечно же, допустил неисправимую ошибку, отпустив мать вот так, просто и необдуманно, не по-мужски.

Сейчас больно вспоминать бедную и несчастную бабульку, и ни у кого тогда не шелохнулась совесть. Сколько же ей предстояло пережить и выстрадать. В том есть вина каждого

из нас...

Для старшего брата мама к тому времени выхлопотала неблагоустроенную квартиру в бараке на четыре семьи. Он жил отдельно, практически никому не мешая. Женился вновь на случайной девице, с которой в дальнейшем у него отношения не сложились. Иногда он работал, навещал Шамсию с дочкой.

Свадьбу сестры планировали провести во дворе нашего дома, гостей пригласили немного. В день регистрации пришла помогать и Шамсия, она деловито и грамотно готовила, накрывая столы, расставленные под свисающими гроздьями винограда. Я большей частью ходила беззаботная, но на регистрации не присутствовала, немного помогая снохе, от будущего брака молодых была не в восторге и даже высказала ненароком фразу сестрице: «Да что же ты в нем нашла?» Он был щупленьким пареньком, на три года младше ее, выглядел как забитый жизнью мальчуган. Средний брат тоже выдал реплику, мол, погодите, он вам еще покажет.... Но, тем не менее, отговаривать молодых никто не собирался. Я подарила сестре косметический набор, привезенный из Сингапура, в те времена вещь редкую, а также босоножки и японский трикотин.

Свадьба предвещала хороший веселый вечерок, но, увы...

16

К тому времени наша сноха Катерина, уже успевшая родить двоих детей и ожидавшая появления третьего, из-за своего злобного характера пытаясь выместить непонятную агрессию, зная буйный и дурной характер мужа, устроила ему сцену. Ей, конечно, тоже хотелось от души повеселиться вместе со всеми, но мешали дети. По ее мнению, с ними должна была сидеть «бабка», то есть наша мама. Но мама устыдила ее, поставив на место:

– Своих детей я сама поднимала, мало того, что вы живете вместе с нами, мы с дедом кормим вас на свою пенсию, а вы смеете еще норов свой показывать!

Гости были навеселе, когда изрядно подвыпивший и обозленный средний братец в самый разгар вечера неожиданно устроил дебош.

Он подошел к отцу и махом сбил его с ног, выбив передние зубы.

Большинство из гостей были людьми военными, но участия в данной сцене никто не хотел принимать, все просто молча наблюдали за происходящим. Отец от безысходности забежал в предбанник, слезы обиды текли по его несчастному лицу. Я бросилась на его защиту, преградив собой проход в дверях. Отец тихо стонал: «За что же ты, сынок!?»

Я и не ожидала, что Амантай – совсем законченная мразь и подонок. Он неожиданно вновь, рывком, как бешеный пес, умудрился из-под моей руки пнуть в лицо стоявшего за мной отца. Ему показалось мало «выступлений», поэтому решил показать всем, какой он супер-боец.

Катерина и с места не сдвинулась, чтоб хоть как-то предотвратить гнусные действия мужа.

А старший брат Нуртай, вдруг решил заступиться за престарелого старика, завязалась драка. По двору катался клубок яростно сцепившейся и изрядно подвыпившей тройки, в том числе и меня. Гости молча смотрели. Огорченная сестра со слезами убежала в дом, осознавая, что ее свадьбу с умыслом расстроили брат со снохой. На том веселье и закончилось. Я, оказавшись меж двумя братьями, пытаюсь их разнять, вела себя не наилучшим образом: маты и ужасная брань летели с моих уст во все стороны, новая кофточка разорвана, босоножки имели жалкий вид. Всех нас кое-как

разнял подбежавший новоиспеченный зять Василий.

А на следующий день мне было очень стыдно вспоминать произошедшее накануне. Но, оглядываясь назад, я немного успокаивала себя тем, что, не будучи мужчиной, хоть как-то, но пыталась остановить сумасбродство и не им, здоровым мужикам, стоявшим в бездействии, осуждать меня!

Удивляюсь, как после того случая семейка братца продолжала жить под крышей стариков, оставаясь на их же иждивении, нисколько не чувствуя угрызения совести?! Впрочем, совести-то у них никогда и не было, недостаток воспитания и невежество – вот то единственное, чем они и подходили друг другу.

А родители продолжали им помогать, так как любили и жалели внуков, но обида осталась.

У меня появилось отвращение и ненависть к брату и его семье.

...Утром следующего дня вновь пришедшие гости решили продолжить несостоявшуюся вечером свадьбу, но все было как-то невесело.

Вот тогда-то старший брат, уже не живший со своей оче-

редной женой, предложил молодым перебраться в его квартиру, заявив: «Катька с Амантаем вам не дадут житья...»

Барак находился не далеко от нашего дома, так что мы с сестрой вручную стали переносить ее вещи, пока Василий находился на службе. Мама успокоилась, радуясь, что у молодых все идет ладно и дружно. Так на этой ноте мы расстались и я вновь уехала в Приморье.

17

Вернувшись обратно на судно, застала свое рабочее место уже занятым возвратившейся из отпуска Светланой, наши отношения были немного натянутыми, терпеть ее иногда невыносимый характер было не в моих силах, мы чувствовали, что скоро расстанемся навсегда и от этого в жизни я ничего не потеряю и не огорчусь...

Меня временно поставили вахтенным матросом у трапа. Днями я с удовольствием отсыпалась после ночного дежурства.

Одним из вечерков, гуляя вблизи порта, я случайно зашла в магазинчик, где неожиданно встретилась с Шуриком,

знакомым еще с т/х В. Мордвинов. Как-то екнуло в груди, да и он, было видно, растерялся в присутствии своих товарищей. Мы мимоходом перекинулись парой фраз и я почти мгновенно исчезла, о чем после немного жалела, вспоминая огонь в его глазах. Но все проходит...

В один из будней я отдыхала в каюте после очередной ночной смены. В тот день на судне была запланирована учебная пожарная тревога. Во время рейса у нас не раз проводились подобные занятия: мы надевали спасательные жилеты, спускались в шлюпках на воду – все казалось просто игрой.

В этот раз, услышав рев пожарной сирены и не придав этому особого значения, я продолжала спать, не подозревая, что учения по стечению обстоятельств на самом деле обратились в настоящую катастрофу. На судне полыхал пожар, горела нижняя палуба. Трагедия началась именно с каюты артельщика Олега, где на тот момент находилась его подруга.

На теплоходе вмиг воцарилась необъяснимая тишина. Что-то внутри подсказывало проснуться, предвещая беду. Неведомая пугающая сила заставила меня подняться и открыть дверь. К моему ужасу, судно уже покинули, как оказалось, все, кроме меня одной. Огромные клубы едкого черного дыма ворвались в каюту, в коридоре стояла непроглядная мгла, электричество было отключено. В мгновение захлоп-

нув дверь и осознав ситуацию, я кинулась к иллюминатору, откуда повалил белый густой дым. Подумала, что в воду прыгать бессмысленно: плавать я не умела, был уже глубокий ноябрь, рядом стоящие катера-спасатели в такой суматохе меня просто бы не заметили. Лихорадочно стала мыслить – что же делать? Стало страшно, очень хотелось жить. Благо, что к тому времени на судне я была человеком уже не новым, хорошо ориентировалась в обстановке. Схватив большой кусок марли, смочила его водой, обмотав лицо и голову. Накинула пальто, чтоб хоть как-то защититься на случай поднимающегося огня на верхнюю палубу, закрыла глаза от едкого дыма и на ощупь, не дыша, пошла к выходу сквозь огромные черные клубы. Осмыслив все, было решено бороться. Оставшись в каюте, я могла глупо погибнуть, единственный выход – только вперед.

Расстояние от каюты до ближайшего выхода было коротким, но все оказалось бессмысленным – дверь оказалась технически неисправна. Техника безопасности на судне явно желала лучшего, в чем минус капитану А. Топоркову, (или Торопову) который изрядно любил приложиться к спиртному, не всегда уделяя должного внимания своим прямым обязанностям, хотя человеком был далеко не глупым.

Со слезами на глазах, испачканная в копоты, задерживая дыхание, я из последних сил с надеждой и упорством проби-

ралась к очередному выходу. Было досадно, больно и обидно, оказавшись на наружной палубе, осознавать, что ты никому не нужна, про тебя все забыли. Весь состав метался в панике на берегу – кто одетый, кто полураздетый. День совпал с дежурством второго помощника капитана Пшенникова Олега. Ему, как ответственному по судну, конечно, досталось больше всего. Он метался по палубе с отчаянием в глазах. Я спускалась по трапу на берег, слезы текли ручьем по щекам, была и боль, и обида, и радость в том сумасбродном состоянии.

Потушив пламя на нижней палубе, не дав огню уничтожить всю надстройку, все постепенно начали приходить в себя. Было очень много работы, копоть большим слоем осела на переборках и потолках, в коридорах и столовой команды. Всей гурьбой приходилось устранять последствия пожара. Ну, а судно ожидал огромный ремонт и долгая стоянка в порту. Мы продолжали жить и работать. Весть о нашем бедствии мигом разносилась по всему пароходству и судам. А я неожиданно получила вызов в отдел кадров к своему инспектору за направлением на очередной теплоход...

16 ноября 1982 года. Я стояла на палубе рейдового катерка, чувствуя себя неуверенно в ожидании, когда только что прибывший из рейса экипаж т/х. Л. Михеенко сойдет с трапа, чтоб подняться самой на судно. Но, как скажет мне в будущем Сергей: «Ты была привлекательной в своей белой паутинке, необычной и интересной». Я, конечно же, на тот момент, не замечая его, буду лишь знать, что эти молодые парни – члены моего будущего экипажа. А Сергей в свою очередь обратит тогда на меня внимание, отметив бестактность ребят, не пропустивших меня вперед на судно.

Немного устроившись в своей каюте, я стала знакомиться с оставшимся на сухогрузе составом; приняв оборудование и инвентарь на камбузе, приступила к работе. Поселили меня на средней палубе.

На тот момент я была вполне довольна. Написала письмо матери о случившейся неприятности на т/х «Пионерская правда» и вновь рвалась в море, романтика брала верх над страхом и разумом. Мама в свою очередь, получив письмо, сильно переживала, звала вернуться домой, хотя знала, что переубедить меня очень непросто. Но, имея дар предвидеть, она просто знала, что со мной ничего не случится.

В тот день я вышла из камбуза в столовую команды, там находились страховые агенты, предлагая свои услуги. Тогда

я впервые и обратила вскользь внимание на паренька невысокого роста, коренастого и на первый взгляд приятного в общении – то был Сергей. В течение рейса он был для меня приятным товарищем, но с самого начала знакомства мной не воспринимался, как мужчина.

Было очень забавно услышать его ответ на вопрос страхового агента: «А почему ты не женат, ведь тебе уже 23 года, почему нет детей?». На что Сергей ответил: «Я же маленький, меня никто не любит». Сказано это было с иронией.

Ну, а я особо заострила взгляд на сидящего за столом паренька – Виталия Толчина, в тот миг подумав: «Этот будет моим». Он был красив и обаятелен, физически хорошо сложен.

И вот очередной выход в море, впереди Вьетнам и Северная Корея.

В пути мы легко сдружились с Сергеем, вечерами вместе проводили время на палубе, общались, шутили, веселились, постепенно привыкая друг к другу. Он для меня был все равно что подружка, только в брюках, мы долго могли говорить с ним на любую тему. В тот момент у меня и в мыслях не было, что Сергей смотрит на меня, прежде всего, как на девушку.

А я все с большим интересом посматривала в сторону Виталика и ждала подходящего случая, решив сделать шаг навстречу первой.

И этот миг настал.

Мы стояли во Вьетнаме в порту Дананг. Вновь сбывалась моя детская мечта. Ступив на землю на тот момент измотанного, обедневшего и отсталого народа, я была счастлива от общения с ними, мне интересно было все. Мы часто ходили с экипажем на пляж. Я вела себя как беззаботный шаловливый ребенок, отставала от всех, любопытничала. Сергей, как настоящий товарищ, не оставлял меня одну. Иногда мы с ним сбегали в ночное время, вопреки запрету, посмотреть на быт местного населения. Любопытство и интерес брали верх над сознанием. А с пограничником Ли Ван, постоянно дежурившим на нашем судне, были в очень хороших дружеских отношениях. Он всегда закрывал глаза на наши с Сергеем похождения, верил нам, и вообще мне казалось, что вьетнамцы с уважением относились к советским людям.

В один из вечеров всех желающих пригласили в Интерклуб.

Я пошла с удовольствием, Сергей остался на вахте. В Да-

нанге, в отличие от поселка, куда наше судно пойдет чуть позже, люди жили более интересной и активной жизнью, помнятся кое-какие постройки и здания, магазины, в которых можно было купить амфоры и вазы, а также украшения. В Интерклубе нас усадили за один общий длинный стол, на котором из закуски были, как мне помнится, лишь лук, нарезанный кольцами, помидоры и сладкий перец, все без соли и специй, а также много различного спиртного. Но поскольку наш экипаж был сытым, мы просто пришли развлечься и отдохнуть морально от повседневных забот.

Зал был большим, стояло много столов, за которыми отдыхали моряки с других судов, городов и различных стран мира.

Раздалась интересная и громкая музыка, под которую вошли в зал человек двадцать местных очень красивых и изящных девиц. Они были быстро востребованы мужчинами, но не с нашего судна: кто танцевал, а кто уединился с девушкой... Наши ребята мне объяснили, что это здесь в порядке вещей, страна бедствует, законы не нарушаются, а государство при этом еще что-то имеет. Я смотрела, удивлялась, но в душе не было ни капли укора и осуждения. Наши парни сидели скромненько, их денег хватило бы разве что на обычный танец с местной красоткой. Зато веселью наших подвыпивших ребят ну никак не занимать. Девчонки с нашего теп-

лохода вели себя скромно и прилично.

Я же, что называется, оторвалась по полной программе. Как потом рассказывали Сергею ребята: «Ой, там Гульжан так зажигала!»

Выпив и изрядно захмелев, я пошла в пляс, извиваясь, удивляя и забавляя наших парней.

Незаметно для всех мы с Виталиком ушли на прогулку-экскурсию по огромному зданию Интерклуба, в котором было много мелких магазинчиков и каких-то контор.

Нам было в интерес наблюдать, как ужинают, ловко орудуя палочками, местные симпатичные девчата, которые очень стеснялись нашего присутствия, улыбались, избегая с нами встреч и общения.

Уже была глубокая ночь, когда мы, вконец уставшие и подвыпившие, должны были возвращаться на судно. За исключением девчат, все парни были пьяны «в ураган». Свое поведение я помню смутно. Ребята, почти передавая из рук в руки, перенесли меня с катера на трап нашего судна, при большом волнении и качке был риск свалиться в воду. Я уже ничего не чувствовала и не осознавала, и лишь сильные руки подхватывали, удерживали и оберегали меня в тот вечер,

тогда еще совсем бестолковую, но очень счастливую.

Что было потом – головная боль, тошнота. Тихо пробравшись в подсобку, я долго стояла над раковиной, ругая себя на чем свет стоит. Ну, а после в моей каюте мы еще какое-то время весело общались с Виталей и его напарником, пареньком тоже весьма симпатичным и совсем не желающим покинуть наше общество. Сидя с Виталькой слегка в обнимку, беззаботно беседовали о глупостях, не заметив, как вдруг открылась дверь. Ворвавшийся Сергей, радостный и веселый, с восторженным криком «Гульджан!» вдруг помрачнел и, резко развернувшись, кинулся прочь от каюты. Я не понимала его поведения и крикнула вслед: «Сергей, Сергей!» До меня просто не доходило тогда, что он может испытывать ко мне обыкновенные человеческие чувства, что это ревность и боль обиженного паренька. Но я этого не осознавала и не хотела понимать, просто знала, что наступит завтра и мы будем вновь обычными друзьями. Об этом, собственно, также подумал сам Сергей. Он принял увиденное за должное, решив не мешать, просто оставаясь приятелем.

Ну а мне было радостно и весело на душе от общения и близости с Виталием. Мы стали с ним чаще встречаться, не скрывая своих отношений. Все стали привыкать к этому, принимая, как должное. Но в наших беседах и общении не было искреннего увлечения. Да, он был симпатичен мне, но

познавая его, я как-то больше отдалялась от него, далее поцелуев у нас ничего не получилось.

Позже, когда мы уже будем близки с Сергеем, я так и не ответчу на его вопрос: «Почему между вами с Виталиком ничего не было?» А я тогда просто не хотела унижить Виталика в глазах ребят. Так мы и расстались с ним, тихо и незаметно. Но в душе был осадок. Виталик ничего дурного не говорил обо мне при разговоре с Сергеем, я в свою очередь не говорила лишнего в его адрес. А Серегу в ту пору брала ревность.

Сейчас, оглядываясь назад, я вспоминаю с легкостью те деньки и понимаю, что непредвиденные обстоятельства и моменты могут случаться с любым и каждым – это вполне нормально, это жизнь. Просто на тот момент мы с Виталей, может быть, были несколько безграмотны. Искусству любви, порой учишься всю жизнь. И по собственной глупости два интересующихся друг другом человека вмиг просто отделились, неосознанно, необдуманно. Ну а Сергей в свою очередь, как мне покажется тогда, станет первооткрывателем моих интересов, моих познаний. Мне стало с ним занятно. И мы уже не расставались практически никогда: каждое свободное время проводили вместе, гуляли по Магадану и Владивостоку, ходили в кафе, с удовольствием поедая мороженое и радуясь жизни. Виталик ушел в сторону, замкнулся в себе и больше нам никогда не мешал. Но это все после.

...Помнится необычный случай: как-то подошел ко мне старпом и попросил приготовить обед на 20 человек – покормить местных рабочих-вьетнамцев. Я немного озадачилась, а он пояснил, что трудяги запросто сделают работу за день, которую нашим ребятам под силу выполнить, возможно, за месяц. Предстояло за время нашей стоянки в порту очистить судно от налипших ракушек и ржавчины. Вьетнамские парни были невероятно ловкими, трудолюбивыми и жилистыми ребятами. Подвязавшись наспех веревками, они действительно как-то очень быстро и ловко выполнили свою работу. Приготовив им ведро перловки и хлеб, было стыдно вот так просто отдать пустую, ничем не заправленную еду, и я подлила туда масла, добавив мясные консервы.

Потом с любопытством наблюдала, как трудяги, усевшись в рядок на корточках рядом с судном, очень бережно и поровну поделив крупы каши (кто в платочек, а кто в бумажку), ели с таким аппетитом! После увиденного появилось уважение к этим парням. В таких ситуациях действительно станешь ценить все, радоваться жизни и всему вокруг, чистому мирному небу.

Мира тебе и процветания, измученная земля Вьетнама, счастья тебе, неповерженный стойкий народ!

С Ли Ван было необычайно интересно и забавно общаться.

Я всегда очень любила ириски, постоянно имея их при себе в кармане. Вместе с Сергеем мы общались с Ли на языке жестов, а в глазах позитивного вьетнамца светилось искреннее уважение. Он не мог правильно и вежливо изъясняться, впрочем, как и мы сами, а увидев меня, очень забавно и радостно произносил: «Гюльдзан, илиску дай». Я, весело смеясь, всегда угощала его.

Близился Новый год. Местное население, кто как мог, готовилось по-своему к празднику. Многие жили в хижинах из тростника, спали на циновках и, кроме кое-какой посуды и одежды, не имели ничего.

В одном из жилищ меня угостили самодельной конфетой. Других у них не было, и мне стала понятна причина симпатии Ли Вана к «илискам». Засунув в рот эту конфету, я не знала, куда бы поскорее сплюнуть и избавиться от нее. То была леденцовая жгуче-горькая смесь. И говорило, конечно, о бедности, но сам народ был очень дружелюбным, и мы с

Сергеем все чаще приходили в деревню, проникаясь уважением к местному населению. Он лазил на пальмы в попытке сорвать для меня лист, что не так-то просто было сделать без ножа, тем самым легко выдавая свои ночные похождения, чреватые последствиями.

Однажды, играя с местными в бадминтон, Сергей пошутил с ними по поводу моего происхождения: мол, я вьетнамка, мы женаты и у нас есть бой – сын, маленький мальчик. Меня очень забавляли такие шутки, хотя на тот момент Сергеем было предсказано будущее.

Мысль материальна!

В то время Сергей знал о моем увлечении курением, даже пытался пристыдить, но указывать мне не мог и не смел. Наша связь была недостаточно крепка, он боялся неловким поведением сломать наши доверительные отношения. Приближался тропический новогодний праздник. Мы все ближе становились друг другу и было не понятным ни мне, ни ему – то ли любовь нас связывала тогда, или просто взаимная привязанность и общие интересы. Каждый вечер сломя голову мы мчались друг к другу на встречу.

Экипаж не удивлялся нашим отношениям, нормально реагируя на пару, запросто сидевшую в обнимку за просмотром

ром ежедневного кино в столовой экипажа. Стармех, человек в возрасте, которого все с уважением называли дедом, как-то обронил в нашу сторону фразу: «Все у вас будет хорошо, и вы поженитесь».

Кое-кто из состава от недостатка женского внимания в длительных рейсах с завистью кидал реплики в адрес Сергея, на что тот давал решительный отпор. Ему дважды пришлось по-мужски решать вопрос: сначала с одним из ребят, а после еще сцепиться со своим непосредственным начальником. Электромеханик невежливо бросил упрек Сергею по поводу его общения с «чернью». Тогда мой друг доказал свое «Я», в свою очередь меня наполняла гордость за его решительные мужские действия. Но Сергей был чуточку ревнив, мог и сам случайно разбудить во мне ревность своим поведением, от чего я злилась и страдала. Мы ссорились и вновь мирились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.